

Марина Линник

УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО

12+

Марина Линник
Украденное детство

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Линник М.

Украденное детство / М. Линник — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Марина Линник — автор многочисленных историко-приключенческих романов, но ее новая книга написана совсем в ином жанре. В нее вошли реальные истории простых людей, ставших непосредственными свидетелями трагических исторических событий и переживших весь ужас Второй мировой войны: Варшавское гетто, блокадный Ленинград, оккупация, жизнь в тылу, детские приюты и концлагеря... Эта книга о тех, кого война лишила семьи, детства, нормальной жизни, но не силы духа. Война рано сделала ребятшек взрослыми, воспитав в них недетскую смелость, способность к самопожертвованию, к подвигу во имя Родины, во имя Победы.

Содержание

Верую...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Верую...

В войне не бывает выигравших – только проигравшие.

Невилл Чемберлен

1

– С Новым Годом! С новыми победами, дорогие товарищи! – донеслось из красного угла, где теперь вместо иконы Николая Чудотворца стоял старенький репродуктор.

– Ну и горазд человек языком трепать... – одобрительно покивал головой дед Михаил.

В ответ на это молодая девушка, сидевшая рядом с ним, лишь фыркнула и пренебрежительно заметила:

– Велика ли важность – говорить. Они там, наверху, только и делают, что говорят. А мы тут паши с утра до ночи!

– Ох, Улька, – посетовала баба Матрена, укоризненно покачав головой, – не доведет тебя твой поганый язык до добра, ох не доведет...

– А что я-то? – подивилась та. – О том все гутарят... Ну, если не говорят, то думают. Що не так?

– Товарищ Калинин правильно сказал, – вмешалась в разговор хозяйка дома, Валентина, покосившись на мужа в поисках поддержки. – Своим самоотверженным трудом мы приближаем день победы коммунизма во всем мире. И...

Ульяна расхохоталась.

– Ой, вот только не надо тут демагогию разводить, будь ласка, – не на партсобрании.

– Не, баба Матрена права: болтать ты больно горазда, – вступился Василий за жену. – Скажи еще спасибо, что тут все свои, не донесут. А то за такие смелые речи можно и в Сибирь попасть.

– А ты не стражай меня, чай, не жена тебе, – с вызовом глянула из-под черных бровей Ульяна. – Вон, своей Вальке указывай, що и как делать. А я девка свободная, молодая...

– ...да глупая, – оборвал ее дед Михаил. – А ну, хватит молоть чепуху. Новый год наступил. Так вот и выпить за него не мешало бы.

– Пусть он будет счастливым! Радостным! Спокойным! – послышалось со всех сторон.

– Пусть год будет мирным, – прошептала Валентина, мельком взглянув на мужа, который с рюмкой в руках обходил гостей. – Война – это так страшно! – И она поежилась, вспоминая прошлый год, который прошел в ожиданиях и волнении.

Ее мужа призвали на военную службу в первых числах декабря 1939 года. Чего она только не передумала в ту пору, проливая слезы долгими одинокими ночами. Но Бог миловал, и в начале мая Василий вернулся живым и невредим, да еще и с подарками для нее и малышей, которые сейчас мирно посапывали в соседней комнате.

– Да тише вы, – прикрикнула на гостей баба Матрена, – детей разбудите.

Валентина улыбнулась соседке.

– Не переживайте, они крепко спят. Поужинали и на боковую.

– Ух и хозяйка же ты, – похвалила ее Анна, сидевшая напротив. – Вот повезло Ваське-то нашему. И красавица, и работающая, и жена заботливая, а уж какая мать отличная, и говорить нечего.

И в самом деле – дом был на загляденье. В палисаднике летом цвели высокие подсолнухи, и калина шелестела узорчатой листвой, а во дворе, помимо ухоженных хозяйственных построек, находились баня, небольшой огород и сад. В горнице с расписной печью стоял большой стол (за которым сейчас и сидели гости), скамьи, украшенные домоткаными коврами, кованный сундук, где хранились вещи и домашний скраб; на стенах висели вышитые рушники

и картины. Но главным украшением дома (помимо печи и вышитых салфеток), конечно же, был резной буфет, сработанный Василием собственными руками.

Под стать дому были и хозяева – оба красивые, ловкие, трудолюбивые и отзывчивые. «Не семья, а загляденье», – не раз говорили односельчане, глядя на Вальку и Василия в окружении детей, которых к зиме 1941 года народилось уже трое.

Однако не все были способны радоваться счастью соседей. Черная зависть снедала одного человека, и была его злоба так сильна, что стала причиной многих бед и несчастий Валентины Гончар и ее семейства.

– Ну хозяйюшка, ну выдумщица, – продолжала расхваливать хозяйку баба Матрена. – Ишь, чего придумала-то. И это в наше голодное время!

– Так не только я тут расстаралась, не надо до небес-то меня превозносить. В складчину стол собирали, – ответила Валя, краснея от смущения, но с удовольствием оглядывая стол, на котором, помимо каравая, пирогов, пряников и плюшек с сахаром, стояли винегрет, помидоры, вареная картошка и селедка, украшенная колечками лука.

– Ты ж глянь, так еще и скромная!

– Да ну вас, дед Михаил, – замахала на него руками хозяйка. – Совсем меня в краску вогнали... Давайте лучше угощайтесь да песни слушайте и подпевайте... Вон какие прекрасные мелодии звучат по радио. Новый год же, праздник!

... Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесем через миры и века...

подхватили гости все вместе, поднимая бокалы, в которых искрилось шампанское (большая редкость в селе!).

– Счастливая ты, Валька, – зыркнув на хозяйку черными глазами, проговорила Ульяна. – И дети хорошие, и муж работающий. Вона сколько всего навез: тканей сколько – шей не перешей, ботинки ребятишкам, а тебе какой джемпер с юбкой; в придачу и туфли на каблукке. Все наши бабы неделю обсуждали обновки ваши.

Валя с удивлением уставилась на гостью.

– Так не украл же. Сама знаешь, как бедствовали, пока Василий на финской войне был. Еле выжили. Да что я рассказываю тебе, сама все видела. Домашний скот забрали в колхоз, земли тоже. Я с маленьким ребенком на руках работала от зари до самого заката. Горсти зерна забрать ни-ни: статья или расстрел. В прошлом году, помнишь, Никитичну отправили в Сибирь? И лишь из-за того, что с убранного поля несколько колосков принесла домой, чтобы накормить пять голодных ртов. И что? Мать – на высылки, детей в город в детдом отвезли. А мои пухли с голода! Сколько раз я просила Петра Фомича молочка детишкам моим дать? Сколько унижений испытала ради них! – начала смущенно оправдываться Валентина.

Баба Матрена закивала головой в знак согласия.

– Твоя правда, Валентина. Страшное время. О-хо-хо, до сих пор слезы наворачиваются, как вспомню нашу кормилицу. Ее уведят, а она мордой ко мне тянется и мычит, роденькая.

– Да не говори, Егоровна, – поддержала пожилую соседку Анна. – И самое-то обидное, что отбирали то, что нажито своим же трудом. Сколько мы с Петром пахали. От зари до зари. А теперь что? Ни денег, ни паспортов, ни своего хозяйства. Хорошо еще, председатель у нас из местных, а не пришлый, как в соседней деревне. Наш-то хоть разрешил земельки побольше прирезать да свиней с козами разводить.

– Главное, чтоб уполномоченный, что приехал на днях, не прознал про это, – буркнул ее муж. – А то и нас, и председателя по головке не поглядят, немедля либо статья и Сибирь, либо расстрел.

Баба Матрена замахала руками.

– Тьфу на тебя, окаянный. Чего городишь? Смотри, беду накличешь!

– Да куда уж еще, Егоровна, – тяжело вздохнула Анна. – Сама знаешь, что из-за новых законов выходить на работу через две недели после родов надо, так уже второго младенца в том году схоронили.

– И папаню его вскоре, от сердечного приступа, – проворчал Петр, наливая себе в стакан водки. – А скольких забрали тогда, объявив врагами народа?

– Ну, що было, то было, – глухо промолвила Ульяна, у которой от голода вымерла вся семья, когда забрали отца, единственного кормильца (мать-то умерла родами, оставив младшую сестру).

Несколько лет о нем вообще ничего не было известно, а потом люди проведали, что его с другими репрессированными согнали в заброшенный дом и заживо сожгли.

– Так что, Улья, нечего говорить, что кому-то повезло, а кому-то нет, – продолжила баба Матрена. – Всем досталось от новой-то власти.

– А Вася, домой вернувшись, сразу на торфяное месторождение подался работать, торф для Смоленской ТЭЦ добывать, – раскладывая пироги по тарелкам, простодушно сказала Валя. – Там-то не трудодни давали, а реальные деньги. Вот так и...

– Я и гутарю: счастливая ты, – буркнула Ульяна, с завистью поглядев на женщину. – Все имеешь. А я...

– Все наладится, не стоит отчаиваться.

– В двадцать-то семь? – язвительно отозвалась собеседница. – Да ладно брехать и успокаивать. Не видать мне уж, видно, женского счастья.

– Да кто знает, что всех нас ждет впереди, – вдруг вступила в разговор соседка Валентины, Анна, женщина средних лет.

Хозяйка дома побледнела.

– Что ерунду-то болтаешь?

– Неужто не слышали, что творится в мире-то? – продолжила та, не реагируя на возглас Валентины. – Война грядет с Германией.

– Ой, да не слушайте вы ее, – перебил жену Петро. – А ты кончай брехать, що пугаешь народ слухами? Товарищ Сталин четко сказал: «Войны не будет. Не надо поддаваться на провокацию отдельных враждебных элементов».

– Ах, значит, я брешу, значит, я враждебный элемент? – всплила Анна, сведя брови и подбоченившись.

Петр сразу же пошел на попятную, зная тяжелый характер супруги.

– Ладно, ладно, я что... я ничего. Сообщил всего-навсего то, что услышал. А разве можно не верить товарищу Сталину?

– Война – страшная вещь, – заметил Василий, услышав разговор. – Она превращает обычных людей в диких зверей, не знающих ни жалости, ни сострадания. Я видел... знаю.

– И то правду говоришь, – поддакнул дед Михаил. – Э-хе-хе... Повидал я немало на своем веку и вот что скажу вам: война – самое-самое страшное бедствие. Ни пожар, ни наводнение не сравнятся с ней. Всё я испытал, через многое прошел. Вона, даже работать нормально из-за ранения в Первую мировую не могу. Сколько друзей и родни полегло и тогда, и в Гражданскую... Тьма-тьмущая!

– Недобре в праздник о покойниках гутарить! – воскликнула Ульяна. – Давайте лучше песни петь да веселиться. Эй, спивайте вместе со мною:

Понапрасну травушка измята
В том саду, где зреет виноград.
Понапрасну Любушке ребята
Про любовь, про чувства говорят.

Гости подхватили:

Семерых она приворожила,
А сама не знает – почему,
Семерым головушку вскружила,
А навстречу вышла одному...

– «То была не встреча, а прощанье», – прошептала Валентина, задумавшись.

...Там давала Люба обещанье,
Что любовь навеки горяча...

Гости продолжали петь, а хозяйке в эти минуты вдруг почудилось, что слова песни звучат пророчески. Недобрые предчувствия томили ее сердце.

...Мил уехал далеко-далече,
Улетел веселый соловей...

«Господи, убереги! – мысленно обратилась она к Богу. – Не дай случиться беде! Отче Наш, Отец и Сын»...

Не зная почему, но Валентина еще долго потом вспоминала тот новогодний вечер, вновь и вновь мысленно возвращаясь к разговорам, случайно брошенным словам, косым взглядам, незначительным поступкам. Молодая женщина пыталась понять причину тех трагических событий, которые вскоре обрушились на их счастливую и дружную семью. Как бы то ни было, а коснулись они не только ее, но и всех, кто сидел за тем праздничным столом, отмечая встречу Нового, 1941 года.

Весна пришла рано. Она была румяной, яркой и солнечной. В ту зиму выпало много снега, и озимые взошли дружно. Все радовались будущему хорошему урожаю, ведь 1939-й и 1940-й годы выдались не самыми щедрыми, поэтому на рынках молоко продавали не бутылками или крынками, а стаканами, а муку – блюдцами, картошку и вовсе поштучно.

Деревня, в которой проживала Валентина с семьей, хоть и располагалась неподалеку от Смоленска и рядом с шоссейной дорогой, была не слишком большой.

И все же управлять колхозом, даже маленьким, оказалось крайне трудно. Особенно если учесть, что его председателем стал один из местных бедняков. Мужик-то был с ленцой, выпить любил да прибрать к рукам все, что плохо лежит, поэтому и не нажил ничего своего. Вот он-то и ему подобные бездельники встретили закон о коллективизации с большим энтузиазмом.

В итоге, не умея организовать труд в колхозе, ведя работу неграмотно или, как говорили знающие люди, «не по-хозяйски», горе-руководители на первых порах потеряли почти полностью не только поголовье скота, но и весь урожай. Голод свирепствовал тогда в деревне, умирали целыми семьями. В мирные-то годы! Видя это, председатель, Петр Фомич, не побоявшись наказания и судебного преследования (как предписывал циркуляр, подписанный самим Ста-

линым¹), все же позволил односельчанам обрабатывать небольшие огороды и разводить кур и свиней для личного пользования, а излишки даже продавать на рынке.

Но вскоре жителям пришлось столкнуться с новым бедствием. За посевными работами весна пролетела в мгновение ока, и незаметно наступило лето, принесшее столько слез. Казалось, ничто не предвещало беды. В газетах и по радио упорно утверждалось, что все слухи о войне (а их с каждым днем становилось все больше и больше) совершенно необоснованны. Чтобы успокоить граждан, четырнадцатого июня распространили даже сообщение ТАСС, в котором говорилось, что «по данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы».

– А? Съели? «Не трепи языком, не носи чушь!» – с победоносным видом посмотрев на идущих впереди женщин, передразнил Петр, читая на ходу. – Вот это газета. Тут врать не станут.

– Ну, раз в центральной газете написано, то, видать, и правда люди брешут, – поддакнула баба Матрена.

– Панику наводят, – хмуро заметила Валентина, у которой с каждым днем на душе становилось все беспокойнее. – И без них тяжело, а тут еще слухи о войне...

– Так вот и не надо верить... Слышишь, Анька? Чего ты застыла на месте-то? Увидела что? – осведомился Петр, вопросительно поглядев на жену.

Та в ответ лишь перекрестилась. Всмотревшись туда, куда смотрела Анна, Петро охнул. За всю свою жизнь он ни разу не видывал ничего подобного.

– Бабоньки! Гляньте! Чертовщина какая-то творится. Ежели б кто сказал, не поверил бы! Его спутницы остановились и, повернув головы, поглядели туда, куда указывал Петро.

– Мать честная!.. Что ж такое виднеется на небе?.. Невероятно! – только и смогли вымолвить женщины, пораженные увиденным зрелищем.

– Ох, бабы-бабы. Это знамение! – прошептала Анна. – Чует сердце, неспроста все это.

Валентина с беспокойством поглядела на стоящую невдалеке напуганную соседку.

– Что? Какое знамение?

– А ты разве когда-нибудь такое видела?!

И в самом деле, представшее перед ними зрелище ужасало и завораживало одновременно, а наступившая внезапно невероятная тишина еще больше обостряла чувствительность. Людей напугало не окрашенное в багряный цвет небо и не вид огромного, раскаленного ярко-оранжевого диска солнца, наполовину ушедшего за горизонт. Нет, жителей поразило необычайное явление, заставившее сердца бешено биться от недобрых предчувствий: над линией горизонта, непонятно по какой причине, вспыхнули три огромных огненных столба. Ни в тот момент, ни потом никто так и не сумел объяснить причину их появления, но тогда всем показалось, что это предвестники беды.

– Маменька моя родненькая, – запричитала баба Матрена. – Пожалуй, быть беде. Ой, бабоньки! Готовьтесь к страшному.

– Да хватит пугать, старая, – прикрикнул на нее Петро. – И без тебя мурашки по коже бегают. А тут ты еще...

Валентина поежилась. «Неужели правда? Неужто и на самом деле будет война? Недаром мне целую неделю снится черный ворон, который кружит надо мной, над домом... Господи, только не это!»

---

¹ Местные руководители, которые пытались сохранить в хозяйствах хотя бы семенной фонд, согласно циркуляру от 7 декабря 1932 г., подписанному Сталиным, исключались из партии. Кроме того, их немедленно должны были арестовывать и подвергнуть тюремному заключению на срок от 5 до 10 лет.

К несчастью, сны молодой женщины оказались пророческими, и уже через неделю жители деревни столкнулись с жестокой реальностью.

– Василий! Петро! Где вас черти носят? – услышали они недовольный голос Анны. – Скорее! Сейчас по радио какие-то важные новости передавать будут. Все уже собрались у сельсовета. Чего возитесь?

– Ну, так трактор заглох, будь он неладен. Никак не можем понять, в чем дело.

– Да бросай ты эту железку. Говорят же, срочное сообщение.

– Иду, иду!.. Вот баба, – обратился Петро к Василию. – Не то что твоя Валька: и умница, и покладистая. А эта, чуть что не так, моментально орать. Ух, дождется она. Терпение-то не вечное. Вот отхожу разок вожжами, тотчас вспомнит, кто в доме хозяин.

Василий засмеялся и, похлопав друга по плечу, ответил:

– Да ладно тебе, баба как баба. Все они брехаться горазды.

– Ну не скажи. Я ни разу не слышал, чтобы твоя Валька голос повышала.

– Так причин для этого нет, вот и весь секрет нашей спокойной жизни.

– И не скучно?

– А чего скучать? Я сам выбрал такую жизнь. Если бы хотел веселья, то тогда бы на Ульке женился. Вот тогда... ух!

– На этой ведьме? Да не дай бог! Ох, и язык у нее. Иногда задушить прям хочется!

Василий ухмыльнулся.

– Что есть, то есть... Ого, ты смотри, сколько народу собралось... Эй, бабоньки, а чего стоим-то? Работать-то кто будет? Полдень уже.

– Да так Петр Фомич приказал всем туточки собраться, – игриво взглянув на крепкого красивого парня, отозвалась Ульяна. – А кто ж слушается начальство?

– Непокойно мне как-то на душе, – призналась Валентина, подойдя к мужу. – Зачем нас собрали? Чего еще хотят сказать?

– Не волнуйся, сейчас все узнаем, – похлопав ее по плечу, отозвался Василий, который и сам начал тревожиться.

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории...»

– Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами, – машинально повторила за Молотовым Валентина и от страха закрыла лицо руками.

2

Сообщение о том, что началась война, поразило всех, стоявших перед сельсоветом, в самое сердце. Разумеется, о ней говорили, ее ждали, знали, что страшное бедствие может разразиться в любую минуту, но тем не менее слова наркома Молотова о начале «священной войны» обрушились на людей словно снег на голову. И это было понятно, потому что хоть как-то подготовиться к такой беде невозможно. Ведь сколько бы народ ни судачил о войне, все в глубине души надеялись, что военных действий все-таки не будет. Одни старались и не думать, другие молились. Однако...

Долго еще люди стояли в оцепенении. Никто не желал поверить в услышанное. Всем хотелось верить, что они ослышались или сообщение – какая-то ошибка. Первым очухался дед Михаил.

– Что же происходит-то? – прокричал он. – Почему вместо товарища Сталина нарком-то выступил? Ничего не понятно.

– А что тут понимать, старый, – бросив на мужа сердитый взгляд, отозвалась баба Матрена. – Некогда ему. Не слышал, окаянный, война началась!

– Бабоньки! Что ж теперь будет? – заголосила Анна. – Это что ж? Опять голод? Опять все отберут? Да сколько можно?! Когда мы уже жить-то нормально будем? Мужики сейчас на фронт, а мы опять одни паши?

Петро сурово посмотрел на жену и сплюнул.

– Все бы тебе о брюхе думать. Несознательная ты баба. Там люди уже гибнут, а ты – «когда нормально жить будем». Да по сравнению с тем, что сейчас начнется, наша прежняя жизнь раем покажется. Запомни: народ, который не желает кормить свою армию, вскоре будет вынужден кормить чужую. Ты этого хочешь?

– Так, прекратить разговорчики, – прикрикнул на всех председатель. – Уверен, война закончится через месяц или полтора. Самое позднее, к осени. Неужели вы думаете, что наша доблестная Красная Армия допустит, чтобы враг топтал, жёг нашу землю? Слушайте меня! Я в райцентр поеду сейчас, разузнаю, что и как. А уж потом и будем говорить... Расходитесь! Расходитесь по домам. Неужто заняться нечем?... Не сейчас! Все вопросы после... Эй, Василий, подойди... А ты, Валентина, иди, тебя дети дома ждут.

– А работа? – подивилась женщина.

– Считай, что сегодня я дал тебе отгул. Всем, всем отгулы. Идите домой!

Пожав плечами, Валя пошла восвояси.

– Вась, хочу тебя спросить... ну, как знакомого человека, ты же воевал недавно...

– О чем, Петр Фомич, хочешь узнать?

– Ты думаешь, это надолго?

– Да кто его знает, – пожал плечами мужчина. – Может, да, а может, и нет.

Председатель с любопытством посмотрел на собеседника.

– Осторожным ты стал, Василий. Видать, знаешь чего...

– Ничего я не знаю, Петр Фомич. Мое какое дело? Выполнять нормы, беззаветно служить Родине да семью кормить.

– Да-а, – рассмеялся председатель. – Что ни говори, а партия дисциплинирует. Вот бы все были такими сознательными. Мы бы давно жили в коммунизме. Ладно, иди. Вечером все обсудим.

Но никто не хотел расходиться. Во-первых, народ не понимал ничего и не знал, что ему предпринять. Все находились в страшном волнении: одни голосили, другие ругали Гитлера и всех немцев на чем свет стоит, третьи утирали слезы украдкой.

– Ой, бабы, ой, что делать-то?

– Да хватит причитать, Анна, – окрысилась на нее Ульяна, – що скулишь? Без тебя тошно.

– Да что ж делать-то? Это тебе терять нечего, одна как перст. А у меня дети, муж. Злая ты!

– Аня, так нельзя, – перебила ее Валентина, с укоризной глядя на свою соседку. – Зачем на Ульяну наговаривать. Она не виновата, что в жизни так получилось, что родные все преставились, да и замуж не вышла.

– Ой, защитница тоже нашлась, – презрительно хмыкнула черноглазая красавица. – Сама о себе позабочусь, не треба мне твое заступничество. Пускай болтает... А ты смотри, Анька. Отольются тебе мои слезы.

– Ведьма! – взвизгнула Анна и набросилась на девушку с кулаками.

Женщины, стоявшие неподалеку, начали растаскивать дерущихся селянок, уже вцепившихся друг другу в волосы.

– Девочки, прекратите! Да будет вам! – прикрикнула Валентина что было силы. – Ульяна, Анна!

– Что за шум? – послышался сердитый голос деда Михаила. – Ба! Совестно вам должно быть, бабоньки. Визг стоит на всю деревню. Срамота! А ну, кончай кулаками махать. Ваша силушка в другом понадобится. Сейчас вот передали, что вражеские войска уже Севастополь бомбили. Смерть идет, а вы тут тумаками друг дружку награждаете да сквернословите. Стыдитесь! Там снаряды рвутся, да люди уже погибают, а тут... Тьфу на вас!

Народ не расходился до глубокой ночи. Все с нетерпением ждали Петра Фомича, который должен был привезти хоть какие-нибудь вести из города. Председатель вернулся под утро, осунувшийся и вмиг постаревший. По его виду сразу стало понятно, что ситуация намного хуже, чем они могли бы предположить.

Завидев мужчину, женщины мгновенно обступили его и затараторили:

– Ну что? Петр Фомич? Говори скорее! Когда война закончится? Истомилась душа от неизвестности!

– Да тише вы! – цыкнул председатель. – Чего разгалделись? Чего митинг устроили? Дома вас дети голодные ждут!

– Фомич, ну мочи нет ничего делать, неужто не понятно? – молвила баба Матрена. – Только и хватило сил коров подоить, чтоб не мучились кормилицы наши. Так что? Ну не томи, родненький! Скажи, что и как. Конец скоро ли?

Председатель сокрушенно покачал головой и тяжело вздохнул.

– Эх, бабоньки, бабоньки, – начал он. – Ежели было бы все так просто. Серьезный нам враг попался. Видать, долго готовился, не иначе. В городе подтвердили, что рано утром гитлеровские войска перешли границу в районе Бреста, а через полчаса началось масштабное наступление по всем фронтам – от Балтийского моря до Черного. Севастополь, Минск, Рига, Гродно, Киев, Каунас подверглись бомбардировкам, под Кронштадтом немцы сбросили магнитные мины на рассвете. И это всего в двадцати километрах от Ленинграда. Есть сведения, хотя их крайне мало, что противник продвинулся уже на двадцать пять километров в глубь нашей Родины. Может, брешут, а может, и нет. Не знаю. Связь с приграничными районами нарушена еще с утра, с нашими войсками – почти отсутствует. Из-за бомбардировок или диверсии, трудно сейчас сказать, но она бездействует. Много наших солдат попало в окружение, но продолжают сопротивление². Поэтому...

Председатель замолчал.

– Что поэтому? Да не молчи ты, Петр Фомич. Чего тянешь? Иль что плохое не хочешь говорить? Скрыть, что ли, хочешь?

– А чего скрывать? – вмешался Петро. – Мобилизация, Фомич? Я прав?

– Да... я повестки привез. На сборы дали всего два дня, – вытаскивая из портфеля бумажки, ответил председатель. – Разбирайте!

– Значит, все так плохо? Вот уж не ведал я, что опять воевать придется, – крикнул дед Михаил, потуже затягивая ремень. – Ну, ничего. Тех гадов сломали, и этих одолеем.

– Да куда тебе, старый хрыч? Какая армия? – замахала на него руками баба Матрена. – Сиди уж дома. Тоже мне, воин!

---

² Гитлеровское командование отвело на то, чтобы сломить сопротивление пограничников, 20 минут. 257 советских погранзастав держали оборону от нескольких часов до одних суток. Свыше одних суток – 20, более двух суток – 16, свыше трех суток – 20, более четырех и пяти суток – 43, от семи до девяти суток – 4, свыше одиннадцати суток – 51, свыше двенадцати суток – 55, свыше 15 суток – 51 застава. До двух месяцев сражалось 45 застав.

– А ну молчать, перечница, – цыкнул на нее дед. – Где это видано, чтобы баба мужиком командовала.

– А вот придем домой, там и поговорим, – подбоченилась его жена.

– Тихо-тихо, – в знак внимания поднял руку председатель. – Мобилизации подлежат военнообязанные, лишь те, кто родился с 1905 по 1918 год включительно. А на тебя, дед Михаил, ляжет большая ответственность.

– Какая еще ответственность? – прищурился дед.

– Женщин защищать, за деревней да за колхозом присматривать, пока мы будем гадов поганой метлой с нашей земли гнать.

– Так ты, Фомич, чи що, сбегашь? На войну подался? – ехидно осведомилась Ульяна.

Председатель укоризненно взглянул на женщину, но промолчал. Ему было теперь не до едких замечаний вздорной бабы. «Эх, дурна ты, дурна, – подумал он, – знала бы то, что знаю я, тотчас бы прикусила язычок». А Петр Фомич на самом деле не стал рассказывать односельчанам всех подробностей того, что услышал в городе. Не хотел он пугать и без того охваченный страхом народ. Да и нужно ли было говорить им, что от преисподней-передовой деревню отделяет всего-навсего пятьсот девяносто километров. Немцы почти захватили Вильнюс и рвались к Минску³. Народ, окружавший его, и предположить не мог масштабов надвигавшейся трагедии...

Поэтому, пропустив мимо ушей дерзкие слова, Петр Фомич попросил всех разойтись по домам.

Утро двадцать третьего июня началось буднично. Люди, сумевшие уже оправиться от страшной новости, занимались привычными для них делами. Многим и в голову не приходила мысль о том, что им грозит опасность под их небом, на их земле. Все, будто сговорившись, в разговорах старательно обходили тему войны. Рассуждали о чем угодно, но не о том, что случилось вчера. Был как будто обычный понедельник. Так, за работой, относительно спокойно прошел второй и третий день войны.

Накануне отъезда в Смоленск, где уже вторые сутки шла масштабная мобилизация, никто не спал.

– Васенька, что же происходит? – смахивая предательски набежавшую слезу, задавала вопрос Валентина. – Ведь и в газетах писали, и по радио заявили: войны не будет! Что не стоит поддаваться панике, что все опасения необоснованны, что подобные разговоры – происки поджигателей войны.

– Я знал, – тихо отозвался муж. – Знал, что она вот-вот начнется.

Валя взглянула на него с изумлением.

– Но... но почему ты молчал? Почему ничего никому не сказал?

– А кому? – взорвался Василий. – Нашему председателю? Или нашему руководителю парторганизации? Да меня за такие слова либо расстреляли бы, либо сослали бы. Ты думаешь, товарищу Сталину не докладывали о провокациях на границах? Не сообщали, что враг стягивает силы? Уверен, что говорили. Но всегда хочется верить в хорошее. Тем более что между Германией и СССР заключен был пакт о ненападении.

– Как Гитлер мог его нарушить? – возмущенно продолжила Валя, укладывая в потрепанный чемодан сменное белье мужа. – Какая подлость. Да он просто негодяй!

– Что есть, то есть.

– Надеюсь, наша доблестная Красная Армия будет гнать мерзавцев до самого Берлина.

– Полагаю, что все так и будет, но вот скольким победа будет стоить жизни... – понурился головой, отозвался Василий.

Валентина пристально посмотрела на мужа и, подойдя к нему, тихо спросила:

---

³ Минск оказался оккупированным немецкими войсками уже на седьмой день войны – 28 июня 1941 г.

– Стало быть, ты считаешь, что война затянется на месяцы?

– Да, я боюсь, что мы недооцениваем врага, с которым нам предстоит воевать, – сухо отметил супруг.

– Ты не прав, – не согласилась с ним Валя. – Не мне судить, – естественно, что я могу знать, – но я полагаю, что наша армия в несколько раз превосходит армию противника. Во главе нашей страны стоят умные, дальновидные руководители. Наше вооружение во много раз лучше, чем у немцев.

– Откуда ты знаешь? Я был на финской и видел все.

– Но нас поддержат угнетенные люди других стран, которые ждут не дождутся того времени, когда они свергнут своих хозяев. Едва рабочий класс прознает, что фашисты бомбят наши города, то тут же массы выйдут на улицы в знак протеста.

Василий с улыбкой поглядел на раскрасневшуюся от волнения жену. В эту минуту она была так прекрасна, что у него от тоски сжалось сердце. Когда он уходил на финскую войну, такого не ощущал. Наоборот, красный командир рвался на фронт, рвался защищать Родину. Нет, сейчас Василий тоже стремился поскорее попасть на фронт. Но теперь в его душе поселился страх. Не за себя, разумеется (он никогда не был малодушным или слабохарактерным парнем), а за своих близких. Он предчувствовал, что на их долю выпадут суровые испытания.

Рано утром по шоссейной дороге, проходившей мимо деревни, потянулись подводы с мужчинами, которые, как и Василий, и другие молодые ребята, направлялись в Смоленск в военкомат. Одни шли, получив повестку, другие добровольно, по велению сердца. Так или иначе, все стремились поскорее попасть в Красную Армию.

– Ну что, пора, – скомандовал председатель. – Нужно ехать. Не поминайте нас лихом, бабоньки... Михаил Терентьевич, смотри, головой отвечаешь за колхоз. Работайте, не жалея сил. Если кто из центра приедет, то подчиняться беспрекословно. Полагаюсь на вас. В путь, товарищи. Победа будет за нами!

Только сейчас женская половина деревни осознала весь ужас происходящего. Со всех сторон поднялся невообразимый вой и плач. Никто из них не знал, увидят ли они когда-нибудь своих родных и близких. Мужчины, многим из которых не суждено было вернуться домой, покидали родимую землю с тяжелым сердцем.

– Бабоньки, что же будет? – утирая слезы рукавом, всхлипывала Анна. – Что ж такое? Нам же обещали мирную жизнь!

– Что теперь-то об этом вспоминать, – сердито заметил дед Михаил. – Нужно думать, как фашистов прогнать да не дать им топтаться по земле нашей русской.

– Да кто им даст? – отозвалась баба Матрена. – Не тужите, родненькие, вот попомните мои слова: не пройдет и двух месяцев, и наши кормильцы будут... Ой! А это еще кто?

Все поглядели в ту сторону, куда показывала пожилая женщина. На дороге, по которой ехали все новые и новые подводы, показались грузовики и легковые машины, в которых сидели люди, причем исключительно женщины и дети. С первого взгляда становилось понятно, что все они пережили что-то ужасное, так жалок был их вид. На грязной порванной одежде кое-где виднелись кровавые пятна, запыленные лица с потухшими глазами застыли от безысходного отчаяния. Несчастные то и дело поглядывали на небо, пытаясь что-то рассмотреть за серыми хмурыми облаками.

– Кто это? – поинтересовалась Валентина у водителя проезжавшей мимо очередной машины. – Откуда эти люди?

– Беженцы, – бросил тот.

– Но откуда они взялись?

– Ты что, ничего не знаешь? – удивился мужчина. – Война же!

– Да знаю я... только что вот проводили... Но откуда едете-то?

– Из Минска... Беженцев везем в пересыльный пункт. А там... в эвакуацию, куда пошлют. Главное, подальше от бомбежек, вглубь страны. Им и так уже досталось.

– Так откуда же вы их взяли? – не унималась Валя, следуя за машиной.

– Вот ты непонятливая какая. Это ж семьи военнослужащих из тех гарнизонов, которые насмерть сейчас сражаются с немцами. Видимо, те скоро уже и тут будут. Дан приказ *срочно эвакуировать* людей из Минска. Вот мы и едем в Смоленск. Там уже эшелоны подготовили для отправки.

Валентина остановилась как вкопанная.

– Господи! Этого не может быть. Нет, нет! Этот человек обманывает, – испуганно прошептала она вмиг пересохшими губами.

Но взглянув на людей, молчаливо сидевших в машинах, молодая женщина поняла, что водитель не солгал. Такова была жизнь без прикрас и пропаганды.

Вернувшись к группе людей, ожидавших ее на обочине, Валя проговорила:

– Вы слышали, что заявил этот человек?

– Больше его слушай, – хмыкнул дед Михаил. – Контра, она и есть контра.

– Да вы што? Глаза-то раскройте, – потеряв власть над собой, крикнула Ульяна, молчавшая до сих пор. – Вы на лица, лица их гляньте. Што? Нужны еще какие-то доказательства? Бежать надо!

– Куда? Тебе легко говорить, – недовольно бросила Анна. – А кто моих пятерых-то кормить будет? Да и на чем бежать? В колхозе не осталось ни одной лошади. К тому же хозяйство свое...

– Аня права, – поддержала соседку Валентина. – Куда идти? Пешком мы не дойдем. У меня вообще мал мала меньше. Как я с ними пойду?

– А ну отставить разговорчики! – прикрикнул на них дед Михаил. – Это еще что такое? Уйдут они. А работать кто будет? Кто кормить нашу армию будет? А? Я вас спрашиваю! А ну, Улька, кончай заводить народ. Иди вон в хлев. Коровы, не слышишь, мычат. Это, кстати, всех касается. Теперь нам нужно за троих работать. Так что, бабоньки, прохлаждаться не придется. А ну, марш!

Так потянулись тревожные дни. Жители деревни внимательно слушали новости, передаваемые по радио, или расспрашивали военных, идущих колоннами в сторону Минска. Женщины все надеялись услышать о том, что враг разбит доблестной Красной Армией, и их мужья, сыновья и братья возвращаются домой. Но вместо этого с каждым днем сводки с фронта становились все более зловещими.

И вот, через неделю после начала войны люди впервые столкнулись с врагом. Ближе к ночи откуда-то с небес послышался неясный гул, становившийся с каждой минутой громче и яснее.

– Что это дребезжит в небе? – задрав голову, задала вопрос баба Матрена соседкам, стоявшим вместе с ней около сельсовета. – Не пойму, откуда звук-то идет?

– Вон, – указав на черные точки, ответила Валентина.

– Наши, чи што? – прищурившись, поинтересовалась Ульяна, подставив ладонь козырьком к глазам. – Не могу определить.

Анна посмотрела туда же и весело молвила:

– Разумеется, наши. Наверно, летят с задания. Разбомбили наконец-то стервятников, так им и надо!

Валентина с сомнением покачала головой. Что-то ей подсказывало, что приближающийся гул принесет несчастье.

– Ой, родненькие, по-моему, это не наши хлопчики.

– Думай, что говоришь! Наши, что ни на есть наши! Эй, эй! – закричала Анна и бросилась в сторону дороги.

Валя попыталась ее остановить, но соседка, гневно взглянув на молодую женщину, выскочила на шоссе, чтобы получше разглядеть парящих в небе серых птиц, летящих в четком, строгом порядке.

– Стой ты, дурная! Да остановите вы ее, чего стоите?

– Пусть себе бежит, – хмыкнула Ульяна и побрела к дому.

Но не прошла она и десяти шагов, как услышала за спиной пронзительный монотонный свист, а затем множество сильных, громоподобных ударов, в которых утонули истошные крики испуганных женщин. Девушка подняла голову и обомлела, увидев летящих над ней девять темно-серых бомбардировщиков с крестами на крыльях и хвосте.

– Батюшки мои! Откуда взялись эти гады? – охнула Улька и обернулась в ту сторону, откуда доносились душераздирающие крики. – А там что происходит? Що за шумиху подняли окаянные бабы? Покоя от них нет ни днем, ни ночью. Пойду, що ли, узнаю... Странный запах: чи гарь, чи що?..

Девушка побежала вслед за голосившими женщинами, но очутившись на краю деревни, резко остановилась, потеряв дар речи. Там, где еще час назад проходила дорога, зияли дымящиеся рытвины, около которых копошились люди.

– Родненькая, да что же это? – услышала она причитания бабы Матрены. – Да на кого же ты сиротинушек-то оставила? Что с ними будет? Ох, горе горькое! Как же быть-то теперича?

Преодолев испуг и отвращение, Улька подошла к группе людей, среди которых увидела бледную как смерть Вальку и хлопотавшую возле какого-то лежавшего тела соседку Матрену.

Девушка слегка тронула за рукав Валю.

– Кто это? – тихо справилась она. – Що Матвейха так глотку дерет?

– Это Аня, – утирая слезы, ответила молодая женщина. – Господи, не могу поверить! Я так просила ее остановиться. Почему она не послушалась?

– Своевольная была, строптивая, вот и делала все по-своему, никого не слушая, – пожалала плечами девушка.

– Ах, если бы я могла повернуть время вспять! – всхлипнула Валентина, продолжая плакать.

Ульяна недовольно глянула на нее и со злостью произнесла:

– Да не реви ты! Все под Богом ходим сейчас.

– Как ты может так спокойно рассуждать? – не веря своим ушам, процедила Валя сквозь зубы. – Неужели ты не понимаешь? Еще полчаса назад она жила, дышала, смеялась... а теперь... а теперь лежит на земле в луже крови, а ее ноги...

– Що ее ноги?

– Гляди! – с вызовом ответила молодая женщина. – Голову поверни направо! Вон они около воронки лежат. Да ты стоишь в двух шагах от... того, что было когда-то ногами.

Кровь застыла в жилах у девушки, едва она бросила взгляд на кровавое месиво. Ульяна не раз уже сталкивалась со смертью. Похоронив всю свою родню (а это ни много ни мало девять человек), она очерствела душой, закоснела. С годами прошла и горечь потерь. Но тут... Спокойно смотреть на такое зрелище было невозможно.

– Батюшки-светы! – пробормотала она, опустив глаза. – Я... я сейчас принесу рубаху. Ну, накрыть ее... ноги завернуть. Я... мигом!

Тем временем баба Матрена попросила позвать кого-нибудь, чтобы перенести останки Анны домой.

– Завтра и похороним... Ох, что же с детьми-то будет? Горемыки!

– Давайте я к себе их возьму. Пусть у меня пока побудут, – предложила Валя.

– Да куда тебе еще пятерых? Своих-то... один меньше другого, а тут еще ораву в дом притащишь.

– А что же делать? У всех дети. Справлюсь!

– У нас с дедом уже выросли и разлетелись, – продолжила Матвейха. – Себе и возьмем. Чай, управимся.

На следующее утро и похоронили женщину на местном кладбище. Ее дети, старшему из которых было тринадцать лет, а младшему – два, так ничего толком и не поняли. «Вашей мамы больше нет», – сказали им односельчане накануне, попросив собрать вещи и отправляться к деду Михаилу и бабе Матрене. Им не дали даже проститься с матерью, потому что жители деревни решили не открывать наскоро сколоченный гроб, настолько страшным было изуродованное, посеченное осколками бомб тело.

В тот день многие наконец-то осознали реальность приближающейся беды. Война предстала перед растерянными людьми во всем своем безобразном обличи. Она, как гигантский спрут, опутывала все больше и больше людей своими щупальцами и утаскивала их в бездну, не давая ни малейшей возможности вырваться живыми из цепких смертельных объятий.

3

По пыльной, изрытой многочисленными воронками дороге – все, что осталось от хорошего шоссе после налета немецкой авиации, – двигались в сторону Минска растянутые колонны наших войск в сопровождении штурмовой артиллерии, грохочущих танков и нагруженных боеприпасами машин. Красная Армия, не сломленная сокрушительным поражением в первую неделю войны, готовилась нанести контрудар. Жители деревни то и дело выбегали на дорогу в надежде увидеть родных, но среди хмурых сосредоточенных лиц им так и не удалось встретить ни родственника, ни односельчанина.

А потом наступило затишье; страшное, пугающее безмолвие – предвестник бури.

В тревожном ожидании прошло два дня. Два долгих, томительных дня. Никто не знал, что происходит. По радио из-за бесконечных помех ничего не удавалось разобрать.

– Ох, что-то не по себе становится, – вытирая пот со лба, проговорила Валентина. – Уж больно тихо третий день. Ни тебе военных, ни беженцев, ни фашистов.

Дед Михаил гневно сплюнул.

– Тьфу на тебя! Даже и не поминай черта! Смотри, еще беду накличешь.

– Да ладно, – рассмеялась Ульянка. – Вы так их боитесь, как будто и на самом деле немцы – черти. Такие же люди, ничем от нас не отличаются.

Валя удивленно уставилась на соседку.

– Что ты говоришь, Ульяна? Как не отличаются? Вон они, захватили почти всю Европу.

– И що? Людям разве плохо там живется? Уж не хуже, чем нам при советской власти.

– Вот дурна баба, – запричитала Матвейха. – Вот что болтает?

– Що? Разве не правда?

Ульяна перестала косить траву и с насмешкой посмотрела на людей, работавших с ней.

– Вот ты, баба Матрена, що хорошего видела на своем веку? Одну работу? Рано утром уже в поле. И не важно: дождь ли, солнце палящее. Трудодни какие-то выдумали вместо денег. А на них много ли купишь? Валькин муженек три месяца поработал на торфянике, так деньжатами разжился. И обуты и одеты. А мы? В лучшем случае полкило хлеба на семью.

– Так ты же одна! – взъелась на нее баба Матрена. – Чай, не голодаешь теперь.

– И що? Думаешь, мне нормально жить не хочется? Колхозное добро не бери, воровство. А кто у кого ворует? Мы заработали, посему – наше! И уехать не смей. Да и куда податься без паспортов? Ты вон уже в годах. А що можешь вспомнить? Голод? А налоги? Отдаешь все, що заработал! Неправильно, разве, гитарю? Кто знает, может, при немцах лучше будет?

– Уля! Что ты горишь? – Валентина с испугом глядела на соседку, гадая, не тронулась ли та умом.

– Эх, видать, не зря твоего отца забрали тогда в тридцать пятом. Видимо, было за что, – сердито заметил дед Михаил. – Отдать бы тебя под суд за такие слова, да вот жаль, что не уполномочен, да и не до тебя сейчас. За урожаем нужно присматривать, иначе с голоду зимой

сдохнем не только мы, но и другие. Но попомни мое слово: война закончится, тогда и решим, что с тобой делать.

Ульяна залилась смехом.

– А ты, Терентьич, меня не пугай. Не из пугливых. А шо я? Ты лучше пойди, поспрашивай людей. Уверена, что так, как я, полдеревни думает.

– Но не я, – тихо ответила Валентина, вновь беря косу в руки.

– Ах, ну да. Мы же такие правильные. Да к тому же муж партийный.

– Ты чего к людям цепляешься, ехидина? – подбоченилась баба Матрена. – А ну кончай языком молотить, работать давай. Вон еще сколько делать. Иначе скотина голодная останется зимой, а вместе с ней и мы.

Ульяна ничего не ответила. Перевязав косынку потуже, она начала уверенными движениями косить сочную траву.

Так прошел еще один день, не принесший ничего нового. Но на следующее утро на дороге появились беженцы, которые нескончаемым потоком двигались в сторону Смоленска. Они гнали многочисленные стада коров, овец, лошадей.

– Куда? – орал на уставших людей дед Михаил. – Куда гонишь? Не видишь, что пшеница тут растет?

– Что ж вы, ироды, делаете! – вторила ему Матвейха. – Все ж погибнет! Ох, топчут... топчут, проклятые!

Но оказалось, что голодный скот был не самым страшным испытанием, с которым столкнулась деревня.

Вместе с бежавшими от войны людьми отступали и остатки военных частей, сумевшие выбраться из хаоса сражений. Оборванные, уставшие, грязные красноармейцы понуро брели по пыльному шоссе. Вместе с ними ехали полуторки, забитые до отказа ранеными. От санитаров жители деревни выяснили, что был дан приказ окопаться в Смоленске.

– То есть как, окопаться в Смоленске? – с недоумением проговорил дед Михаил, услышав о приказе командования. – А мы... нам-то... мирные жители... Куды нам-то деваться?

– Дан приказ, дедуля, всем эвакуироваться. Всем, кто может, – ответил проходивший мимо солдатик.

– Так куда ж, милоч, податься с родных мест? Да и на чем? Пехом все равно не дойду.

– Здравия желаю, – услышал вдруг дед Михаил за спиной.

Он обернулся и увидел перед собой офицера.

– Старший лейтенант Скворцов! – отрапортовал тот.

– Михаил Терентьевич Стародуб.

– Отец, нам бы с председателем побеседовать.

– Так воюет он. Нет его.

– Ну, тогда... – растерялся старлей. – Может, подскажешь, к кому обратиться?

– Я тут за главного. Обращайся, сынок.

– Отец, бойцы есть?

– Да откуда? Уже с неделю как ушли. И председатель с ними подался, оставив меня на хозяйстве.

– Понятно... отец, нам бы чуток отдохнуть. Совсем люди выдохлись.

– А сколько вас, товарищ старший лейтенант?

– От роты осталось лишь двадцать пять человек, – опустив голову, ответил Скворцов. – Нам бы переночевать да поесть-попить; вторые сутки и маковой росинки во рту не было.

– Ну что ж, обогреем и накормим. Вот только уж не обессудьте, чем богаты.

Молодой старлей улыбнулся.

– А у кого густо, отец? Мы рады и крыше над головой.

– Ну, тогда пошли... Ко мне нельзя, к сожалению, никак, хата совсем маленькая, к тому же приютили мы тут со старухой на днях пятерых сиротинушек. Во время налета их мать посекло осколками и ноги оторвало. Страшное зрелище. Но ты не бойся, найдем, куда солдатушек определить.

Вот так Скворцов и еще пятеро солдат оказались в Валентином доме. Что касается деда Михаила, которому не терпелось разузнать новости, то он, сбежав от сварливой жены, пришел чуть позже.

– Хозяюшка, не против, я тоже тут побуду немного?

– Так вы всегда желанный гость, Михаил Терентьевич. Садись за стол да гостей зови.

Пожилой человек, крихтя, побрел в соседнюю комнату, но, открыв дверь, только хмыкнул, взглянув на спящих людей.

– Спят, родимые, спят, солдатушки.

– Так разбуди их, остынет же все.

– Сейчас попробую... товарищ старший лейтенант! Товарищ Скворцов!

– Что? Что случилось?– схватившись за винтовку, пробормотал старлей в полусне. – Немцы атакуют?

– Да нет, тьфу на вас. Какие немцы тут? Кушать зови своих бойцов. Еда готова. Подкрепиться бы вам не мешало.

Потянувшись, старший лейтенант окончательно проснулся.

– Спасибо, отец. Мы сейчас.

Через десять минут гости и хозяйка сидели за большим столом. Дети Валентины, лежа на печи, с любопытством разглядывали неожиданных гостей.

– Спасибо, хозяйюшка, – отодвигая пустую тарелку, проговорил пожилой сержант. – На минуту мелькнула мысль, что дома. Благодарствую, дочка.

– Ох, супец, красавица, всем супцам – супец. Спасибо!

– Ой, да ладно меня благодарить, – засмушалась Валя. – Суп как суп. Жалко, что кроме картошки и свеклы больше и попотчевать нечем.

– Мы и этому рады, – отвечали бойцы и, испросив разрешения, удалились спать.

– Какие новости, сынок? – начал расспросы дед Михаил, рассудив, что при подчиненных старлей не станет рассказывать всей правды, дабы не подрывать боевой дух солдат. – Когда закончится война?

Закурив с разрешения хозяйки, боец надолго замолчал.

– Что вам ответить? – наконец отозвался он. – Когда закончится? Эх, отец, отец. А она только началась. Недооценили мы врага, ох, как недооценили. На их стороне мощь, сила. Недаром же они завоевали почти всю Европу. Но на нашей – упорство и мужество. Мы защищаем нашу землю, нашу Родину, наших матерей, жен и детей. Поговаривают, что Брестская крепость до сих пор держится. Герои! Настоящие герои! Да-а... Это будет самая кровопролитная война за всю историю страны, попомните мое слово.

Терентьевич крикнул от неожиданности. Валентина, побледнев, села на лавку.

– Значит... немцы скоро придут... сюда? – еле слышно произнесла молодая женщина и затаила дыхание.

Товарищ Скворцов задумчиво поглядел на нее.

– Не знаю... С другой стороны, после того как фашисты легко захватили Минск, все может быть.

– Минск? – ахнули Терентьевич и Валя. – Как? Когда?

– Город пал два дня назад. Страшно было смотреть на развалины, на опрокинутые трамвайные вагоны, превратившиеся в братскую могилу для многих людей, на горящие руины домов, где в подвалах прятались жители. Эти сволочи бомбили город фугасными и зажигательными бомбами. Если б вы знали, сколько мы видели задохнувшихся от угарного газа людей!

А сколько обгорелых тел лежало на разбитых мостовых? Моя рота оказалась в самом пекле. Наша бригада находилась на лагерных сборах, когда началась война. Уже через пару дней мы оказались в Минске, да и с западной границы подтянулись оставшиеся войска. На первых порах все развивалось не так уж и плохо; правда, с самого начала было ясно – силы не равны. Нам удалось сбить не то пять, не то шесть самолетов, но потом... Мы получили приказ отходить в Борисов. Но на рассвете по Брестскому шоссе и со стороны Болотной станции в город вошли танки, которые замкнули внешнее кольцо. Мы бились за каждую улицу, за каждый дом; сколько храбрых ребят полегло в том сражении. Эх... Как нам удалось вырваться из котла, я не знаю до сих пор. Видимо, кто-то из родных сильно молится за нас.

– Какой ужас!

– Сейчас идут бои за Борисов и Бобруйск.

– Так это... совсем близко! Господи!

4

Через несколько дней в деревню из Смоленска прибыли люди в военной форме. Они о чем-то долго разговаривали с Михаилом Терентьевичем, исполнявшим обязанности председателя колхоза. После этого непростого разговора уполномоченные из города уехали, а к людям, которые столпились у сельсовета в ожидании новостей, вышел хмурый дед Михаил. Его со всех сторон обступили взволнованные женщины.

– Ну, что скажешь? Что слышно-то? Красная Армия отбила Минск? Нас будут эвакуировать?

– Чего затараторили, сороки? – прикрикнул на них пожилой мужчина. – Чего раскудахтались? Вас много, а я один. Сейчас отвечу на все вопросы, дайте с духом собраться. Тихо вы... Бабоньки! Слышите, что говорю? А ну, молчать!

Все затихли в томительном ожидании. Вокруг стало поразительно тихо. Дед Михаил обвел всех суровым взглядом и не терпящим возражений тоном проговорил:

– Товарищи односельчане! Я буду краток. Скажу лишь одно: враг хорошо подготовился, прежде чем развязать с нами войну. Вся Европа, все заводы и фабрики на захваченных землях работают на него. Но мы сумели устоять перед натиском. Так будет и впредь. Но нам предстоит большая работа...

Внезапно послышавшийся из толпы ехидный голос прервал речь председателя:

– Как же сумели, если немцы заняли Минск и уже к Борисову подбираются?

– Ты, Ульянка, не смей тут свои антисоветские речи толкать. Не для всех они годные.

– Гоже, негоже, так я ж правду гутарю. Що не так?

– Да, Красная Армия отступает, но всего-навсего для того, чтобы нанести по неприятелю решительный удар, – с уверенностью в голосе выпалил Михаил Терентьевич. – И именно поэтому, родимые, мы и должны помочь, подсобить нашим отцам, мужьям и сыновьям.

Односельчане недоуменно переглянулись.

– Так чем же мы помочь-то можем? Мы и так каждодневно работаем за троих.

– Ну... – тут дед Михаил слегка замялся, – маловато будет.

– Чего ж еще мы можем? Спим по пять часов, едим одну свеклу да картошку. Полбуханки хлеба выдают на неделю на семью. Все остальное – яйца, зерно, мясо – отдаем государству.

– Ваша правда, – согласился с доводами Терентьевич. – Вместе с тем, руководство коммунистической партии поручило нам помочь доблестной Красной Армии, которая ведет неравный бой с врагом, топчущим нашу землю. Приказано окопаться.

– Это еще как?

– Необходимо отправить сорок пять человек на сооружение оборонительного рубежа. Тут недалеко. Предупреждаю, кормить в течение десяти дней не будут, так что еду берите с собой. Завтра рано утром приедет машина. Работать нужно будет бригадами по сорок пять человек.

– А кто ж туточки работать будет? Вон уж и пшеница поспевает, собирать ее надобно, покуда дождей нет.

– Бабоньки, а без оборонительного рубежа нам крышка. Тогда и пшеница будет за ненадобнось–тью. Фашисты все громили на своем пути. Мне товарищ Назаров сказал, что они уже в плен около трехсот тысяч человек взяли. Одних в лагеря смерти отправили, других угнали в Германию на принудительные работы. Вы этого захотели?

– Матвеевна, присмотришь за моими детьми? – попросила Валентина. – Я копать пойду.

– Чи що, с ума сошла? – воскликнула стоящая неподалеку Ульяна.

– Это ты с ума сошла, – впервые в жизни огрызнулась Валя, гневно смерив соседку взглядом. – Ни стыда у тебя нет ни совести. Наши солдаты погибают там, а мы только брюхо греем у печи.

– Да не больно-то и греем, – ответила Ульяна, с удивлением наблюдая всегда спокойную и невозмутимую Валентину. – Пашем как проклятые.

– Уля, так все работают. Не думаю, что в других деревнях по-другому.

– И еще, – не обращая внимания на разговоры женщин, продолжил дед Михаил. – Поручено нам налог собрать... не обессудьте, бабоньки. Большой налог. Так постановило правительство и партия. Нужно кормить фронт.

– Да нам самим есть нечего. Еле сводим концы с концами, – начали возмущаться люди.

– Я знаю, родненькие. Но... придется потуже затянуть пояса. Надобно, надобно излишки найти, – мягко произнес Михаил Терентьевич. – Еще раз повторяю: нужно кормить фронт. Ваших отцов, мужей и сыновей... Все, разойдитесь! Завтра за теми, кто решит поехать на работы, приедет машина.

Валентина, несмотря на протесты бабы Матрены, вместе со своими односельчанами все-таки отправилась на сооружение оборонительного рубежа. Как и обещал дед Михаил, добровольцы в самом деле работали не так далеко от дома, но от этого на душе становилось еще тревожнее. «Неужели немцы подойдут так близко? – то и дело спрашивала себя женщина, с трудом ворочая лопатой. – Не могу поверить этому».

Люди, работая по четырнадцать часов в день, ночевали в близлежащей деревеньке, в которой не было радио, поэтому все новости они узнавали либо от беженцев, либо от бойцов, которым удалось вырваться из котла, а то и от паникеров, выдумывающих всякие небылицы. С каждым днем работать становилось труднее; нормы стали просто каторжными: каждый человек был обязан прокопать двенадцать метров в длину и десять в ширину. К тому же начались проливные дожди, и размокший чернозем превратился в вязкую глину. Ослабевший от постоянного недоедания народ с большим трудом справлялся с поставленной задачей. Так прошла неделя. Трудились не покладая рук, отдавая фронту все силы.

На восьмой день Валентина и жившие вместе с ней женщины проснулись от раскатов грома.

– Гроза, чи що? – заспанным голосом проворчала Ульяна, потягиваясь. – Ох, опять придется под дождем работать, будь он неладен.

– Да что-то не похоже, – торопливо спускаясь с полатей, прошептала Валя.

Она выглянула в окошко, за которым полыхало зарево, и ахнула:

– На небе ни облачка... непонятно. Откуда такой странный свистящий звук и грохот?

Неожиданно открылась дверь, и вошел товарищ Шивков, командующий работами.

– Бабоньки, собирайтесь немедленно. Через полчаса отправляется колонна машин. Получено распоряжение из города прекратить работы и отправить вас по домам. Эх, не успели...

– А что? Что случилось?

– Немцы прорвали оборону Западного фронта и заняли Рудню. Сейчас там идет тяжелый бой за каждый клочок земли. Был приказ Тимошенко удерживать рубеж любой ценой, но тем не менее Могилев вчера пал. Витебск и Орша давно уже захвачены фашистами. Солдаты

пытаются прорваться к своим или уйти к партизанам в лес. Но, к сожалению, вырваться из Могилевского котла для многих оказалась непосильной задачей. Девятнадцатая, двадцатая и четвертая армии почти полностью разбиты. Сегодня ночью после внезапной мощной артподготовки солдаты 388-го стрелкового полка прорвались из Могилева на запад, а бойцы 747-го, 394-го полков форсировали Днепр и с боями двинулись на восток, где должны соединиться с частями тринадцатой армии. Очень... очень много солдат, офицеров и местных жителей попало в плен или убито. Сейчас все усилия сосредотачиваются под Смоленском. Но и там уже кипят бои. Двадцатая армия оказалась в окружении, и единственной связью с «большой землёй» остается Соловьёва переправа. Вот через нее ставка и готовит контрнаступление...

– Как под Смоленском? Как взяли Могилев? Да этого совершенно не может быть! Что же нам делать? Почему нас не эвакуируют?

Шивков понурил голову. Что он мог ответить измученным тяжелым трудом и переживаниями за близких, сражающихся там, в самом пекле Могилевского котла, женщинам?

– Бабоньки, пожалуйста, собирайтесь, – насилу выговорил он, выходя из комнаты. – Осталось не больше двадцати минут.

Валентина и жители деревни, которые уезжали вместе с ней на работы, вернулись домой. Никто не расспрашивал их и не задавал ненужных вопросов, поскольку о ситуации на фронтах уже знали из новостей, услышанных по отремонтированному Егорычем, семидесятилетним инвалидом Первой мировой войны, радио. Жизнь в деревне замерла в ожидании чего-то ужасного и неотвратимого.

Вскоре страшный сон жителей стал явью: в деревню пришли немцы. Появились они в начале августа. Уже смеркалось, когда совершенно неожиданно в деревню въехала колонна мотоциклов и машин, из которых высыпали гомонившие на чужом языке высокие, широкоплечие люди в незнакомой форме.

Мотопехотинцы с первой минуты пребывания в деревне повели себя как хозяева. Немцы деловито расхаживали по улицам, врвались в дома, выгоняя жителей на улицу.

– Komm raus, komm raus!⁴ – слышалось всех сторон. – Schnell!.. Hände hoch!⁵

– Ой, батюшки! – перепугавшись, шептала баба Матрена, таращась на плечистых высоких солдат. – Чего ж хотят-то, ироды?

– Помолчи, старая, – дергая ее за рукав, вполголоса шикнул на нее дед Михаил, покосившись на автомат, висевший на шее солдата, стоявшего перед ними. – Еще беду накличешь!

– Чего они хотят, Михаил Терентьевич. О чем говорят? – тихо начала допытываться Валя, обнимая одной рукой дочку, а другой – прижимая к себе сыновей.

– Да шут их знает. Не понимаю я тарабарского языка. Может, расстрелять хотят, а может, в плен захватить, чтобы работали мы на них.

– Ох, – вырвалось у молодой женщины, – не дай Бог.

– Вот ты все в тайне молишься своему Богу, – зло покосилась на нее Ульяна. – Не отпирайся, знаю... не треба отнекиваться. А муж-то у тебя партийный.

– Не твое дело, Ульянка, – негромко цыкнула на нее Матвейиха, недолюбливавшая девушку за злой язык. – Во что человек хочет, в то и верит.

– Так пусть помолится сейчас. Глядишь, и заступится ее божок. Его помощь нам точно понадобится сейчас, – не обращая внимания на «сварливую бабушку», как за глаза называла она бабу Матрену, заметила Ульяна.

– Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли, – зашептала Валентина, закрыв глаза.

---

⁴ Komm raus! (нем.) – Выходи.

⁵ Schnell! Hände hoch! (нем.) – Быстро... руки вверх.

А между тем немцы продолжали хозяйничать в деревне. Вещи не трогали, ни к чему им был нищенский скарб местных жителей. А вот кур и поросят забрали бесчисленное множество. Ради потехи фашисты, ошипав кур и гусей, начали разбрасывать пух по ветру, и уже через час деревня покрылась белым покрывалом, словно выпавшим первым снегом. Развлечение солдат сопровождалось разноголосицей, хохотом и насмешками над стоявшими напротив сельсовета жителями.

– Zünde an!⁶ – отдал приказ офицер железным тоном, усаживаясь в автомобиль.

– Was machen wir mit den Menschen, mein general?⁷ – спросил его, вытянувшись в струнку, солдат.

– Wo siehst du Menschen?⁸ – недовольно повел носом генерал. – Ich sehe Schweine, viele russische Schweine. Verbrennt Häuser!⁹

– Zu Befehl! Heil Hitler!¹⁰ – выбросив руку вперед и щелкнув каблуками, прокричал солдат и бросился выполнять оставшееся непонятным для местных жителей приказание.

И лишь тогда, когда запылала крыша домов, люди поняли, какое распоряжение отдал своим солдатам важный генерал.

– Это чего ж они удумали, ироды иноземные? – заголосила баба Матрена. – Никак спалить хотят наши хаты?

– Скажи спасибо, если в живых оставят, – буркнул ее муж, следивший за каждым шагом непрошенных гостей.

– И кур, сволочи, всех забрали, – сквозь зубы процедил Егорыч, грозя немцам костью. – Жрать-то чего зимой будем?

Валя не сводила глаз с горевших крыш. Из-за морозящего дождя огонь распространялся не молниеносно. Оставалась смутная надежда на то, что они смогут что-то спасти.

– Ладно, хоть в живых бы оставили, – тихо произнесла женщина. – Тогда и дома сохраним. В Смоленск рвутся, под прикрытие своих. Боятся оставаться ночью в деревнях. Видать, правду местный люд поговаривает: партизаны завелись в наших лесах.

И действительно, едва солдаты подожгли последний дом, как офицер что-то скомандовал и немцы, торопливо рассевшись по мотоциклам и машинам, покинули деревню. Напоследок фашисты пустили поверх группы впавших в оцепенение селян несколько автоматных очередей и выехали на шоссе. Жители деревни, затаив дыхание, продолжали стоять. Они никак не могли поверить своему счастью. «Мы живы... Мы живы», – то и дело повторяли насмерть перепуганные люди.

– Бабоньки! А чего стоим-то? – первым пришел в чувство дед Михаил. – Дома наши, дома! Сгорят к едрене фене! Скорее! Ведра тащите, ведра! Носите воду...

Все бросились к домам спасать свое имущество. Кто-то выводил животных из хлева, кто-то разбрасывал граблями горящую солому, кто-то носил воду из колодца. Работали дружно, сообща. А по-другому и быть не могло. Беда объединяет людей, особенно русских, несмотря на распри и мелкие ссоры.

– Ульяна! Сарай, сарай горит! – крикнул Егорыч. – Выводи козу... да куда ж ты ее тащишь. Вот нерадивая баба! Валька, помоги ей! Да оставь ты детей со мной... чего мечешься, окаянная? Ходить не могу, но приглядеть-то за малышкой еще в силах. Ступай! Не волнуйся, все будет хорошо.

---

⁶ – Zünde an! (нем.) – Поджигай.

⁷ Was machen wir mit den Menschen, mein general (нем.) – Что делать с этими людьми, мой генерал?

⁸ Wo siehst du Menschen? (нем.) – Где ты видишь людей.

⁹ Ich sehe Schweine, viele russische Schweine. Verbrennt Häuser! (нем.) – Я вижу свиней, много русских свиней. Сжечь их дома.

¹⁰ Zu Befehl. Heil Hitler! (нем.) – Слушаюсь. Хайль Гитлер!

– Да чего ты замешкалась, старая? Чего все оглядываешься? – ворчал то и дело дед Михаил, передавая ведра с водой старшему сыну погибшей Анны. – Не вернутся они уже. По крайней мере, эти...

И хотя сараи почти полностью сгорели вместе со всем содержимым, но дома, благодаря дож-дю, который полил словно из ведра после отъезда немцев, все же отстояли. На этот раз судьба пощадила людей.

Но везение не бывает вечным, в чем и убедились местные жители, когда через неделю к ним в деревню нагрянули захватчики и, устроившись основательно и на неопределенное время, установили свои законы и порядки.

5

Указ гитлеровского командования «О военном судопроизводстве» освобождал немецких солдат, офицеров и лиц, помогавших им, от ответственности за любое уголовное преступление, которое они совершали на захваченных землях. Новым хозяевам позволялось делать буквально все: спокойно занимать дома, выгоняя жителей на улицу, убивать любого не понравившегося им человека. Для запугивания местного населения на людных местах вывешивали трупы коммунистов и евреев. Грабежи носили массовый, организованный характер.

Пришедшие в деревню немцы поначалу вели себя довольно-таки спокойно и мирно. Никаких репрессий, никаких расстрелов, никакого мародерства. Они расселились по несколько человек в каждом доме, приказав бывшим хозяевам кормить и обстирывать их. Небольшой гарнизон состоял из тыловых частей. Солдаты, занимавшиеся заготовками продовольствия и леса для действующей армии, относились к жителям деревни вполне сносно, можно даже сказать, дружелюбно.

В доме Валентины поселился какой-то важный немец, хмурый, сердитый и молчаливый. «Штурмбанфюрер» – так обращались к нему подчиненные. Заняв одну из комнат, он сообщил на ломаном русском языке, что, пока его бригада стоит в деревне, все обязаны подчиняться новым порядкам. За непослушание – расстрел.

– Это есть понятно? – полюбопытствовал он, разглядывая Валентину исподлобья.

– Да, – опустив голову, ответила она.

– Не бойся, я не выгонять на улицу ни тебя, ни твоих дети. Я есть сам отец. Там в Германии. Я иметь три ребенка тоже. Дети есть хорошо. Иди!

С этого дня в деревне наступила новая жизнь, полная тревог.

На следующее же утро немецкий офицер приказал жителям деревни собраться перед бывшим сельсоветом. Местное население, боясь послушаться новое начальство, нехотя подчинилось. Увидев хмурые лица людей, стоявших в окружении вооруженной охраны, штурмбанфюрер оскалился в улыбке.

– Achtung! Внимание... Сельские жители! Я хотеть обратиться к вам, вы должны понять. Мы есть новая власть. Мы есть представители великой Германии, мы есть новая Европа, мы есть мощь и сила. Я хотеть объяснить вам, что войска вермахта воевать не с вами, не с народом. Мы воевать против коммунистов, против насилия коммунизма. Мы хотеть защитить вас от него. Мы знать, что русские, белорусы, украинцы есть тоже арийцы...

– Во загнула немецкая сволочь, – пробормотал дед Михаил, косясь из-под нахмуренных густых бровей на говорившего. – Арийцы... Ты своему Гитлеру расскажи. Вот он посмеется.

– Да тише ты, старый хрыч, – шикнула на него жена. – Еще услышат.

– Кто? Эти самодовольные болваны? Да они ни хрена по-русски не понимают. Только злорадствуют... Во-во, посмотри, рожи какие сытые, аж лоснятся. Вчера оставшихся кур, сволочи, сожрали. Чем мы теперича будем детей кормить?

– Вы не бойтесь, Михаил Терентьевич, – шепотом проговорила Валя, – поможем. А там, глядишь, и наши подспеют и выгонят гадов.

– Ага, держи карман шире, подспеют, – хмыкнула Ульяна. – Шо-то наша доблестная армия не торопится освободить нас от оккупантов. Покуда я одних немцев и вижу. Одни сараи пожгли да скотину угнали, а вторые и вовсе поселились, выгнав нас из собственных домов, последнее отбирают. Вон, в сенях приходится спать. И теперь, судя по всему, надолго они туточки окопались. Вишь, соловьем заливаются...

А между тем немецкий офицер продолжал рассуждать:

– ...Мы знать, что вы не есть так развиты, как есть мы. Но я знать, что вы хотите этого. Мы помогать, немецкая нация помогать стать вам культурными...

– Нашел тоже дурачков, – проворчал Егорыч, смачно сплюнув. – И чем фашистское отродье поможет нам? Сеять хлеб, косить траву и доить коров мы и сами умеем. Не академики, да. Но читать и писать умеем. И на том спасибо. А большего нам и не надобно.

– ...Коммунисты говорить вам, что мы, немцы, считать вас людьми второго сорта. Большевицкая пропаганда утверждать, что великая Германия хотеть завоевать вашу страну и сделать вас рабами или полностью истребить. Это есть ложь! Мы хотеть дать вам свободу. Мы хотеть дать вам мир. Мы требовать послушание. Это есть единственное условие.

– Ну вот, я так и думал, – заметил дед Михаил хмуро. – А ты, Егорыч, не верил.

– А че не верить? Верю. Ничего другого от них ждать не приходится. Только не предполагал, что они предложат нам сотрудничество.

– Да какое сотрудничество, Павел Егорович, – возмутилась Валя, – мы – не более чем орудие труда. Бесплатная рабочая сила, неужели не понятно? Кто же будет их кормить? Естественно, мы.

Ульяна посмотрела на соседку и, вскинув брови от удивления, поинтересовалась:

– Ой, нешто я слышу здравые речи? Когда ж ты прозрела?

– Вот приставучая баба, – одернула ее Матвейха. – Доведешь ты меня до греха, повыдеру я твою чёрну косу. Вот вернется Петр Фомич, я все ему расскажу: и о речах антисоветских, и о нежелании на работу идти... о многом расскажу. На партсобрании тогда и решим, как твой поганый язычок укоротить.

– Да ты никак повредила рассудком, баба Матрена. На каком собрании? Какой Петр Фомич? Да оглянитесь вы все вокруг! Все, закончился коммунизм. Где ваши партработнички? Бежали? Только пятки их и сверкали. Оставили нас на произвол судьбы. Мол, выкарабкивайтесь сами.

– Она права, – тихо ответила Валентина.

– Права? Да как ты можешь так говорить? – придя в негодование, выпалила Матвейха. – Ты – комсомолка, жена коммуни...

– Вот пустомеля, вот трещотка, – обозлился на нее дед Михаил. – Да об этом молчать нужно. Ты что, хочешь, чтоб ее расстреляли? Разве ты не слышала, что они ведут войну с большевиками? Дурна ты баба!

Матвейха всплеснула руками и заохала:

– Прости, родненькая, язык-то как помело. Совсем из ума выжила.

– Да не переживайте вы, – обняв за плечи пожилую женщину, на глазах которой появились слезы раскаяния, ласково проговорила Валя. – Я ведь знаю, что вы не нарочно.

– Да тише вы, курицы, – шикнул на них Егорыч, – нашли время кудахтать. Лучше послушайте, что важный индюк гутарит.

Женщины замолчали и прислушались к продолжавшему говорить немцу. От хвalebных речей, в которых он превозносил Германию и ее народ, называя его «высшей расой», фашист перешел к обязанностям «свободного» народа.

– Мы организовать общий двор, там хранить зерно, картошка, свекла. Вы работать на полях, собирать урожай и нести на этот двор. Все должны работать: женщины, старики и дети. Отказ есть противодействие командованию германской армии и за это расстрел. Плохо рабо-

тать – расстрел. Помогать партизанам – расстрел. Вы работать хорошо, мы не трогать русских женщин. Мы уважать их как немецких женщин. Вы уважать, кормить, стирать белье немецких солдат – мы не трогать сельских жителей. Кто есть главный?

Штурмбанфюрер обвел взглядом разгневанную, но молчаливую толпу.

– Я спрашивать: кто есть главный?

– Воюет наш председатель, – послышался голос из самой гущи.

– Ich verstehe¹¹, – кивнул головой немецкий офицер. – Кто есть за него?

– Ну, я, – нехотя ответил дед Михаил, медленно пробираясь сквозь людей.

– Не ходи, родненький, – запричитала баба Матрена. – Убьют!

– Ты есть старик.

– Так в деревне остались лишь бабы, старики да дети, товарищ... как звать-то вас?

– Штурмбанфюрер Штольц, – коротко ответил немец.

– Дюже трудно для меня... уж не обессудьте.

– Что есть «обессудьте»? – не понял тот.

– Э-э-э, ну, стало быть, простите. Сложно... штурмбан... тьфу, не выговорить.

– Ja, natürlich¹², хорошо. Я есть майор, по-вашему, – объяснил немецкий офицер стоявшему перед ним старику.

– Ну, это уже легче, товарищ... господин майор, – хмыкнул дед Михаил.

– Ты есть сейчас управляющий... кто ты есть?

– Чего? – вытаращив на него глаза, спросил Терентьич. – Что значит, кто ты есть?

– Как имя?

– Михаил... Михаил Терентьевич.

– Терен... тье... вич, – по слогам произнес немец. – Nein, zu kompliziert!¹³

– Ты есть Михаэль. Теперь ты есть управляющий. Ты смотреть, как работать люди, как собирать урожай. Ты отвечать за все. Сельский житель обязан платить ежегодно налог: за себя, за дом, за землю, за собаку. Ты собирать его с одного дома: молоко – пятьсот литров, яйца – тридцать штук с каждой курицы, мясо – пятьдесят килограммов. Мы организовать районную кассу. Ты сдавать туда деньги... налог: взрослый – сто двадцать рублей, ребенок до шестнадцати лет – шестьдесят рублей, за собаку – двести рублей. Кто не платить – есть саботажник. Он будет наказан. Я назначать тебе шесть полицей. Они помогать собирать налоги. Все есть понятно?

– А то як же, – проворчал дед Михаил, опустив голову.

– Разойтись! – приказал Штольц и, сойдя со ступенек, пошел в сопровождении охраны осматривать деревню.

– Что ж такое получается? – не поняла Матвейха. – Теперича мы на немцев пахать должны? Вот те раз.

– А какая разница, на кого горбатиться? – усмехнулась Ульяна. – Прежде наш труд присваивали большевики, сейчас – командование германских войск. Що тогда голодали, що нынче лапу сосать будем.

Валентина покосилась на нее, но ничего не ответила. Женщину не волновало, откуда она возьмет деньги или что будут есть дети, если Валя заплатит введенный новой властью налог. Совсем другие мысли бередили душу молодухи. «Жена коммуниста... комсомолка», – слова бабы Матрены не шли у нее из головы.

---

¹¹ Ich verstehe (нем.) – Я понимаю.

¹² Ja, natürlich (нем.) – Да, конечно.

¹³ Nein, zu kompliziert! (нем.) – Нет, слишком сложно.

Если немцы дознаются или кто-то донесет на нее, то ее и детей непременно расстреляют или повесят. «Господи, очень страшно! Что делать? Куда податься? Как уйти незамеченной с тремя детьми, одному из которых всего лишь полтора года? Придется ждать. Но чего?»

Тем временем жители вполголоса продолжали обсуждать услышанное.

– Вот гады алчные, – ворчал Егорыч, ему вторили бабы, – откуда взять мясо-то и столько яиц и молока? Сволочи, что приезжали до них, всех поросят и телят увезли. Одни старые коровы вон в хлеву стоят. А кур и гусей сколько истребили? Тьфу!

– Ладно, Егорыч, поживем – увидим. Не трогают покуда, и на том спасибо, – буркнул Михаил Терентьевич, недовольный возложенными на него обязанностями.

Жизнь в деревне потекла своим чередом. Местные жители, работавшие от зари до глубокого вечера, постепенно привыкли к немцам, которые, на удивление, вели себя весьма корректно. Некоторые из них даже начали обучать молодежь немецкому языку, игре на губной гармонике, разучивая вместе с ними немецкие песни и танцы. Валентинин квартирант, статный мужчина сорока лет, тоже, в сущности, оказался не таким уж строгим и требовательным. По вечерам, когда молодая женщина занималась домашними делами, иногда даже играл с ее детьми. Вначале Валя была против их общения и загоняла малышей на печку, но потом немного оттаяла, увидев, с какой теплотой майор Штольц разговаривает с ребятней.

Так, относительно спокойно, прошло три месяца. Но наступил ноябрь и принес с собой тяжкие испытания.

Перед началом кампании против нашей страны немецким командованием было создано четыре группы, так называемые айнзацгруппы – карательные подразделения, разделившие между собой фронт. Группа «А» взяла под контроль страны Прибалтики, «В» – Смоленск и Москву, «С» – Киев, а «D» – южную часть Украины. Немногочисленные отряды комплектовались исключительно безжалостными головорезами. В состав входили эсэсовцы, сотрудники гестапо, работники уголовной полиции и СД, а также шоферы, механики, переводчики, телеграфисты и женская обслуга. Руководителями назначались люди из гестапо и СД. Основными задачами, возложенными на айнзацгруппы, было полное истребление евреев, коммунистов и появившихся в лесах партизан. Гиммлеровские стервятники не останавливались ни перед чем, создавая на оккупированных территориях концентрационные лагеря и повсеместно сея смерть.

Для проведения карательной операции и зачистки оккупированной территории от коммунистов и партизан, под Смоленск личным приказом бригадефюрера СС и генерал-майора полиции Эриха Наумана была отправлена бригада СС во главе с оберфюрером СС Герхардом Блюме.

Отряд въехал в деревню рано утро.

– Какого дьявола их сюда занесло? А-аа... айнзацкоманда СС. Эскадроны смерти Гиммлера, – пробормотал штурмбанфюрер Штольц, выглянув в окно. – А этот что тут делает?.. Что им нужно? Надо пойти встретить и узнать, с чем пожаловали. М-да... трудный сегодня будет день.

– Neil Hitler, – взяв под козырек, отчеканил Штольц. – Добро пожаловать, оберфюрер. Прошу, проходите. Позвольте предложить вам чай. Судя по всему, вы рано выехали из Смоленска.

Войдя в дом, Штольц сменил официальный тон на дружеский и продолжил:

– Рад видеть тебя, Герхард. Вот наши пути опять пересеклись.

– И я рад, Клаус. Хотя миссия, с которой я приехал, вряд ли доставит тебе радость.

Штурмбанфюрер внимательно поглядел на товарища по партии и с удивлением спросил:

– В каком смысле? Я не понимаю тебя. Изволь объясниться! Я честно выполняю свою работу и ни разу не нарушил приказа. Подожди, я сейчас попрошу принести нам чай.

Штольц открыл дверь и на русском позвал Валентину.

- Два чая, пожалуйста.
- Хорошо, я сейчас, – засуетилась молодая женщина. – Может, поесть что-нибудь принести? У меня пирог остался со вчерашнего ужина.
- Да, принеси. Мой друг должен обязательно попробовать твой пирог.
- Закрыв за собой дверь, Клаус вернулся к разговору:
- А что за миссия? Ты так и не объяснил, Герхард.
- Хм, – с недовольством взглянув на бывшего однополчанина, ответил Блюме, – я и не догадывался, что все настолько плохо.
- Ты о чем? – нахмурился его собеседник.
- О том, что ты ПРОСИШЬ, а не ТРЕБУЕШЬ чай. Ты – представитель великой нации – должен унижаться перед русскими свиньями.
- Во-первых, я не забыл о расовой принадлежности, – беспристрастно заметил Штольц. – Во-вторых, если бы ты знал получше этот народ...
- Герхард Блюме расхохотался.
- Ты сошел с ума, мой милый Клаус! Зачем? Зачем мне, офицеру СС, ИЗУЧАТЬ рабов? Для чего?
- Да для того, чтобы узнать их, найти слабое место и пользоваться этим. Забитый раб может принести намного меньше пользы, чем свободный человек. Прожив в этой деревне больше трех месяцев, я постепенно начал понимать этих русских. Мы вступили в бой с врагом, которого мы, европейцы, вообще не понимаем. Их можно заставить работать под дулом автомата, но невозможно сломать и подчинить. Пойми, я применял различную тактику: штрафовал, прибегал к насилию и вел политику устрашения. Но... результата не было.
- Если бы повесил пару-тройку наглицев, то, поверь, народ бы моментально очухался, – отрезал Герхард, сурово взглянув на друга.
- Да, я мог бы расстрелять полдеревни, – согласился Штольц, – но кто бы тогда работал? Кто зерно собирал? С кого я брал бы налог? С меня требуют провиант для армии. Откуда я возьму его, если истреблю население? Ты пойдешь доить коров или держать кур? Русский исключительно хороший работник только тогда, когда с ним хорошо обращаются.
- Оберфюрер встал и стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину.
- Меня ни в малейшей степени не интересует ни русский, ни украинец, ни какой-либо другой представитель славянской народности. Представители данных наций нужны нам лишь в качестве рабов для нашей культуры; в остальном ни их судьба, ни их жизнь не представляют для меня никакого интереса. И вы, штурмбанфюрер, посланы сюда не для того, чтобы работать на благосостояние этих народов, а для того, чтобы выкачать из них все возможное. В ваши обязанности входит снабжать продовольствием немецкую армию и германский народ. А чем занимаетесь вы? Кормите этих свиней? Вне всякого сомнения, наша нация – высочайшая и единственная в мире. Поэтому мы достаточно великодушны к этим недочеловекам. Однако заботиться о русских, обучать их, прививать им культуру – это преступление против нашей крови. Фюрер как-то заявил: «Всякий образованный человек – наш будущий враг».
- Мне не нужно напоминать о приказе, оберфюрер, – ответил Штольц, побагровев. – Я не первый год в армии. Более того, я прекрасно помню слова нашего фюрера о славянском народе, сказанные им на последнем съезде. Согласен, что забота о пропитании местных жителей является избыточной гуманностью.
- Блюме бросил на бывшего однополчанина презрительный взгляд и с ехидством задал вопрос:
- Неужели? А я уж подумал, что ты подался в пастыри... ну, Клаус! Вспомни, каким ты был год назад? Ярый национал-социалист, беспощадный к врагам рейха. Мы сражались с тобой бок о бок не один год. Что произошло с тобой за несколько месяцев? Я не узнаю тебя!

Штольц молчал. Он не знал, что ответить. В душе уже не первый день шла борьба между долгом и совестью.

– Я не знаю... Все дело, видимо, в русской душе. Знаю, что ты сейчас ответишь. «Следует отбросить все сентиментальные возражения. Нужно управлять русскими с железной решимостью». Да, ты прав. Приехав сюда, я действовал именно так поначалу. Но потом...

Штольц замолчал на какое-то мгновение, а затем продолжил:

– Скажи, разве не странно, что большинство из них не испытывают никакой ненависти к немцам? Мы отбираем у них еду, одежду, живем в их домах, убиваем детей и насилуем женщин. А они? Одна старуха связала мне носки, хозяйка, у которой я живу, обстирывает и кормит меня. И не просто кормит, а старается, по возможности, разнообразить простую пищу. А ее мужа или сына той старухи, может быть, в эти минуты расстреливают НАШИ солдаты. А они заботятся о нас... С наступлением холодов, когда мы стали замерзать, эти люди поделились с нами теплыми вещами. Сами! Ты понимаешь, сами принесли нам одежду... кто что смог. Я не знаю, сделано это из страха, по добродушию или вправду у русских врожденное чувство самопожертвования?

– Да, – задумчиво заметил Блюме, постукивая пальцами по столу. – Не знал, что большевицкая идеология так опасна. Мне жаль тебя, Клаус. Ты пошел не за теми. Большевизм – диктатура худших, злоба низшей расы. Что же касается русских, о которых ты говоришь с такой... я даже не знаю, как сказать... с любовью, что ли, то даже тех из них, кто пошел на сотрудничество и был признан необходимым для работы, тебе следовало бы содержать в некоей изоляции. Неужели ты не понимаешь, что они лишь орудие, необходимое нам для создания государства высшей расы? И любое проявление мягкости и сентиментальности по отношению к русским идет в ущерб нашим главным идеям. Это предательство, Клаус.

Штольц вспыхнул, но промолчал. Он уже знал, к чему ведет его бывший однополчанин.

– Запомни, – продолжил Герхард Блюме, – здесь повсюду наши враги; любой русский, независимо от возраста и пола. И не важно, сколько им лет – десять или девяносто. Поверь, они не пощадят ни тебя, ни твоих родных, если, не дай бог, придут на наши земли. А что нужно делать с врагами? Уничтожать, уничтожать и еще раз уничтожать. Так будет лучше и спокойнее для тебя, для меня, для нации. Их всех надо истребить, всех до единого... Поступим так. Я могу арестовать тебя и отдать под трибунал. Но... я не сделаю этого, поскольку еще не забыл, что ты спас мне жизнь тогда, в Польше, в сороковом. Будем считать, что мы квиты. Я подам рапорт, в котором посоветую перевести тебя, подающего большие надежды, в СД. Учитывая твои прежние заслуги, руководство не сможет отказать. Уедешь в Мюнхен, к своим. И забудем обо всем, что здесь произошло. Как старший по званию, я отстраняю тебя от командования. У тебя есть тридцать минут, чтобы собраться. Мои люди отвезут тебя в Смоленск. Необходимые документы и мой отчет ты предоставишь непосредственно бригадефюреру СС Науману. А он уже решит твою дальнейшую судьбу.

Сказав это, Герхард Блюме решительно вышел из комнаты, оставив штурмбанфюрера в полной растерянности.

– А как же чай? – входя в комнату с самоваром, осведомилась Валя. – Ваш гость вернется?

– Nein! – резко ответил Штольц.

– Что-то произошло? – испугавшись, тихо проговорила молодая женщина, ставя самовар на стол.

Немец подошел к ней и, схватив ее за локти, произнес:

– Бежать, ты должна бежать. Беда приходит в деревню. Это есть страшные люди. Они есть убийцы. Они не жалеть никого. Они стрелять людей, словно скот... Бежать! Ты слышать? Бежать! Немедленно!

– Бежать, но куда? – разволновалась Валя. – У меня дети... куда я пойду с ними?

– Неважно! Но бежать. Подальше! Ты должна прятаться! Собрать детей! Торопись!

– Das Auto ist fertig, Sturmбанführer¹⁴, – отчеканил вошедший солдат. – Wir können schon losfahren¹⁵.

– Ja, na klar¹⁶, – кивнул головой Штольц и, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Валентина стояла в растерянности, не зная, что ей предпринять. Схватить детей и бежать? Но куда? А вдруг Клаус наврал ей? А вдруг решил проверить ее? А вдруг кто-то рассказал ему о том, что она – жена коммуниста. «Ладно, подожду, посмотрю, что будет дальше».

А события с приездом карательного отряда и оберфюрера СС Герхарда Блюме развивались очень стремительно. После отъезда штурмбанфюрера солдаты начали выгонять всех жителей из домов плетками и сгонять их на площадку перед сельсоветом. Затем, отобрав восемь юношей, солдаты вручили им лопаты и погнали копать траншею за деревней. Местные жители переглядывались в недоумении, еще не зная, что задумали сотворить стервятники Гиммлера.

– Я хочу знать, – начал переводчик, приехавший вместе с Блюме, – есть ли в вашей деревне евреи, коммунисты и партизаны?

Толпа замерла в нерешительности. Люди то и дело переглядывались, пытаясь понять, что последует за этим странным вопросом. Никто до конца не осознавал масштабов надвигающихся несчастий.

– Я повторяю вопрос: есть ли евреи и коммунисты? Помогаете ли вы партизанам?

– Да отродясь таких не видели, – буркнул наконец дед Михаил. – Мы простые крестьяне. Какое наше дело? Работать... что мы и делали, господин хороший.

Мужчина перевел слова Терентьевича офицеру. Тот медленным шагом двинулся к одному из детей и, ткнув хлыстом (с которым никогда не расставался) ребенка в грудь, задал вопрос:

– Hast du den Kommunisten gesehen?

– Ты видел коммуниста?

Ребенок страшно испугался и заплакал. Блюме повторял вопрос снова и снова, продолжая ударять хлыстом в грудь ребенка.

– Хватит издеваться над дитятком! – подбежав к плачущему мальчику, воскликнула баба Матрена.

Она отбросила рукой хлыст и подхватила ребенка на руки.

– Тише... тише. Дядя не обидит тебя... Нет у нас никого, – продолжила Матвейха. – Председатель был коммунистом, но он ушел на фронт, бить вас, гадов. Семьи у него нет, детей тоже. А больше никого нет, можешь не искать. А партизан и в глаза не видывали. Откуда они в наших местах? Здесь уже больше трех месяцев ваши живут.

Переводчик что-то прошептал на ухо офицеру. Тот оскалился и с любопытством уставился на смелую женщину, посмевающую возразить ему. Неизвестно, чем бы все закончилось, но в этот миг раздался голос Ульяны.

– Странная у тебя память, баба Матрена, – ехидно заметила она. – Не забывает лишь того, що хочет помнить.

– Зато у тебя она дырявая, – цыкнул на девушку дед Михаил, который уже понял, к чему клонит соседка. – Не хранит в памяти добро.

– А ты не взывай к моей совести, чай, не маленькая. И без увещаний как-нибудь проживу... Господин офицер, обманули вас... скрыть захотели. Живет у нас тут солдатка, жена красного офицера-коммуниста, комсомолка. Да и человек десять, которые подали заявления на вступление в партию. Могут поименно назвать.

¹⁴ Das Auto ist fertig, Sturmбанführer (нем.) – Машина готова.

¹⁵ Wir können schon losfahren (нем.) – Мы можем ехать.

¹⁶ Ja, na klar (нем.) – Да, ну конечно.

– Ах ты, проклятая! – набросилась на нее баба Матрена. – Креста на тебе нет.
– Да и верно, нет, – рассмеялась Улька, бросив злобный взгляд на Валентину. – Нет, не было и не будет. А на кой ляд он мне?

– Schweig!¹⁷ – рявкнул Блюме. – Kennst du sie? Sag ihren Namen!

– Назови ее имя! – перевел стоявший рядом с немцем мужчина.

Матвейха молчала. Молчала и вся толпа в ожидании развязки. Впрочем, в то мгновение люди уже поняли, для чего немцы послали восемь человек копать траншею. Поняли и похолодели от ужаса...

– Ты будешь отвечать? – повторил за оберфюрером переводчик, а затем сам от себя добавил: – Ну, дурна ты, баба, чего молчишь? Их все равно не спасешь, о себе подумай.

Баба Матрена отрицательно покачала головой. Тогда немец открыл кобуру и, вытащив из нее пистолет, выстрелил пожилой женщине в голову. Матвейха упала, как подкошенная, продолжая по инерции прижимать к себе испуганного мальчугана. В ту же секунду истошные крики раздались в ошеломленной толпе.

– Что ж... что ж вы наделали? – не веря своим глазам, потрясенно выговорил дед Михаил.

Неверными шагами он начал пробираться сквозь толпу односельчан, которые молча расступались перед ним, давая дорогу.

– Голубушка... душа моя, – упав на колени перед телом жены, бормотал Терентьевич. – Что же мучители с тобой сделали? Что сотворили, ироды?

Горькие слезы покатались из стариковских глаз, исчезая в глубоких морщинах. На лице несчастного старика отразилось столько боли и отчаяния, что замолчали даже издававшие не одну смерть немцы.

– Старик, – негромко обратился к нему переводчик. – Ты не спасешь тех людей. Они все равно погибнут. Послушай меня: выдай их, назови имена и тогда, возможно, сохранишь жизнь остальным.

– А это уж пусть она, – он указал рукой на стоящую неподалеку и злобно ощерившуюся Ульяну, – делает. Пригрели гадюку на груди, теперича плоды пожинаем.

– Ну как знаешь, – недоуменно ответил переводчик и отошел к ожидавшему его офицеру.

Переговорив о чем-то, офицер подошел к Ульяне, смерил ее взглядом и, ткнув хлыстом в грудь, выдал:

– Ти... го-во-рить!

– Эй, хлопец, – девушка осторожно убрала палку от груди, – она... тебе может еще понадобиться...

Ульяна сделала шаг навстречу Блюме и, кокетливо улыбнувшись, продолжила:

– Вот только не забудь, господин хороший, хто тебе всю правду... глаза, так сказать, открыл. Ты уж постарайся... Места тут гиблые, да и люди сволочные. Житья не будет таперича.

– И не сомневайся, уж точно, – процедил сквозь зубы Егорыч, сжимая от злости кулаки. – Своими бы руками придушил гадину.

Девушка бросила на него презрительный взгляд и ухмыльнулась. Накопленное за долгие годы ожесточение и негодование на односельчан, поддерживающих советскую власть; на одинокую, лишенную радости жизнь; на тиранию государства, лишившего ее выбора, – вся эта подавляемая годами ненависть нашла наконец выход. Она мечтала уехать, хотела во что бы то ни стало изменить свою жизнь. И не важно, каким способом, лишь бы вырваться, пусть даже предав тех, кто долгие годы поддерживал ее и помогал справляться с невзгодами. Уже через десять минут Герхард Блюме знал обо всех, кто так или иначе был связан с коммунистами.

– Павел Злобин-младший, Катерина Злобина, Николай Токарев, Василиса Токарева, Светлана Токарева, – начал зачитывать списки переводчик, громко выкрикивая имена людей,

¹⁷ Schweig (нем.) – Молчать.

чьи отцы и мужья либо были коммунистами, либо собирались вступить в ряды партии. – И Валентина Гончар, Захар Гончар, Андрей Гончар и Леся Гончар... Выйдите вперед!

Толпа расступилась, пропуская вперед женщин и детей. Всего набралось около двадцати пяти человек. Их собрали невдалеке от колодца в отдельную группу, а остальных отогнали в сторону, приказав им оставаться на своих местах. Проходя мимо Ульяны, Валя, крепко прижимая к груди полуторогодовалую дочку, на секунду остановилась.

– Почему? – только и спросила женщина. – Уля, почему?

– Почему? – ожесточение девушки было так велико, что Валентина даже попятилась. – И ты еще спрашиваешь, почему... Да потому что ты, дрянь, украла у меня жизнь, украла мою молодость, мое счастье!

– О чем... о чем ты говоришь? – охнув от удивления, осведомилась молодая женщина. – Я... не понимаю тебя.

– Не понимаешь? Да если бы ты не появилась в нашей деревне, то Василий был бы моим. И отродье, которое жметя к твоим ногам, не родилось бы вовсе. Так нет, городская, приехала уму-разуму учить, головы всем хлопцам вскружила книжками да умными речами. Вот и повелся он, касатик, а обо мне забыл. А мы пожениться собирались, детишек завести...

– Не бреши, дура, – прикрикнул на нее дед Михаил, с трудом поднимаясь с колен, – не собирался он жениться на тебе; видимо, чувствовал, что в твоих жилах гнилая кровь течет.

– Неправда! – взвилась девушка. – Все она, она увела! Тихоней прикинулась, стерва!.. Ненавижу! Ненавижу тебя и твоих ублюдков! Сама бы придушила гаденьшей! Ну, ничего... с большим удовольствием погляжу, как вас всех... всех до единого расстреляют. Наконец-то свершится моя мечта.

– Жаль тебя, Ульяна, – понурился, ответила Валя, – ты растратила свою жизнь на ненависть. На то, что ты себе выдумала. Что ж, каждому воздастся по его деяниям.

Ульяна фыркнула.

– Це правда, – подтвердила она. – Скоро ты заплатишь за мою погубленную жизнь.

– Нет, – отрицательно покачала головой женщина, – ты погубила ее сама.

– А ну, довольно болтать, – прервал их разговор переводчик. – А ну пошла! До ночи, что ли, тебя ждать?

Затем он обратился к понурым жителям деревни, стоявшим около колодца и ожидавшим окончательного решения своей участи.

– Вам приказано отправиться в конец деревни... бегом! Не заставляйте вас ждать!.. А ну, не отставать! Детей на руки! Живей, живей, живей!

В северной части деревни по самому краю проходил овраг, за которым начинались болота и непроходимые леса. Вот туда и погнали перепуганных насмерть людей. Как потом выяснилось, каратели заранее установили на самом высоком месте пулемет, намереваясь расстрелять местных жителей.

– Schnell, schnell! – подгонял Блюме.

– Быстрее, – вторил ему переводчик. – Чего тащитесь, словно земляные черви?

Дойдя до оврага, люди остановились. Растерянно они поглядывали друг на друга, не зная, что им делать дальше.

– И что теперь? – тихо спросила Катерина Валю. – Что душегубы хотят от нас?

– Ох, плохое у меня предчувствие, – покосившись на солдат СС, заряжавших пулеметы, ответила та.

– Нас... расстреляют? Как бешеных собак? – обомлела женщина. – И... детей тоже? Нет-нет-нет! Они же не звери!

– Фашисты хуже зверей.

– Валька, не пугай меня.

– Ну, могилу нам уже вырыли, – указав рукой на копавших в овраге ребят, отрешенно отозвалась Валентина.

Она продолжала лихорадочно думать, пытаясь найти выход из сложившегося положения. Но его не было... «Неужели нас все-таки убьют? – подумала она, крепче прижимая к себе детей. – И почему я не послушалась Клауса? Почему я усомнилась в его честности?.. Что же делать? Господи! Не оставь нас, рабов твоих!»

– Спускайтесь! – перевел приказ оберфюрера переводчик. – Быстрее, быстрее, клуши!

Народ неохотно, но подчинился. Да и что им оставалось делать? Люди чувствовали себя совершенно беззащитными перед солдатами, окружавшими их.

– А теперь бегите к яме. Ну... чего встали, как стадо баранов? – увидев замешкавшихся жителей, произнес переводчик. – Живее! Бегом!

– Was seid ihr aufgestanden?¹⁸ – закричал Блюме, желающий поскорее покончить с этим делом. – Feuer!¹⁹

Раздались первые выстрелы, и люди, заваливаясь набок, начали падать в овраг, из глубины которого, перекрывая стрекот пулемета, сразу же послышались нечеловеческие, душераздирающие крики и предсмертные стоны несчастных, обреченных на мучительную смерть только за то, что их отцы, мужья и сыновья имели какое-то отношение к большевикам.

«Следует отбросить все сентиментальные возражения. Нужно управлять этим народом с железной решимостью... Прерогатива победителя – уничтожать целые племена, целые народы». Эти слова своего шефа, рейсхфюрера СС Генриха Гиммлера, Герхард Блюме помнил наизусть и неуклонно следовал его заветам.

Внезапно послышался пронзительный свист и почти рядом с оврагом прогремели несколько взрывов. Над деревней пролетели два звена советских бомбардировщиков, сумевших прорвать оборону эскадрильи истребителей люфтваффе. Убитые и покалеченные солдаты, словно тряпичные чучела, набитые соломой, разлетелись в разные стороны.

– Flugzeuge, Flugzeuge, Oberführer!²⁰ – закричали немцы, тотчас же забыв о пленных.

– Feuer! Feuer! – закричал Блюме, раненый осколком снаряда. – Verdammt diese Russen!²¹

Не обращая больше внимания на разбегающихся пленных, среди которых была и Валентина с детьми, уцелевшая каким-то чудом в образовавшейся сумятице, немцы поспешили обратно в деревню.

Местные жители еще раньше разбежались кто куда, желая поскорее исчезнуть из поля зрения мучителей и не сомневаясь, что немцы продолжат расправу, когда закончится налет. Многих потом все-таки нашли и расстреляли. Валя же с детьми схоронилась в болотах, угадав поистине звериным чутьем, что каратели побоятся сунуться туда, где их ожидает верная смерть.

6

Ночь молодая женщина с детьми провела в лесу, расположившись в яме и укрывшись лапником. Выпавший первый снег запорошил следы беглецов, поэтому можно было не опасаться преследователей. Валентина то и дело мысленно возвращалась к событиям минувшего дня. И всякий раз ее сердце сжималось от одной лишь мысли, что они могла погибнуть. «Господи, спасибо!» – твердила она вновь и вновь. Но избежав одной смертельной опасности, они угодили в другую ловушку, не менее страшную и мучительную.

– Мама, я хочу пить, – прошептал Андрей, кареглазый мальчуган пяти лет.

---

¹⁸ Was seid ihr aufgestanden? (нем.) – Чего встали?

¹⁹ Feuer! (нем.) – Огонь!

²⁰ Flugzeuge, Flugzeuge, Oberführer! (нем.) – Самолеты, оберфюрер.

²¹ Verdammt diese Russen! (нем.) – Будь прокляты эти русские.

– И я, – захныкал его братишка. – Кушать хосю... мама, я кушать хосю. Пошли домой! Я хочу домой!

– Я знаю, мои дорогие. Я все знаю, – крепче прижимая к себе детей, проговорила Валя. – Но нам нельзя домой. Там плохие дяди. Они убьют нас.

– А почему дядя Клаус не защитил нас? Почему не взял с собой? – допытывался старший. – Он хороший. Он добрый.

– Возможно. Но не забывай, что это – немец, а, следовательно, наш враг... Хотя... Думаю, что с ним поступят не лучше, чем с нами. Второй немец, приказавший стрелять в нас, был недоволен им. Так что его участь не лучше нашей.

– Хосю к папе, – продолжал канючить Захар, которому совсем недавно исполнилось три годика. – Посему мы не идем к папе?

Валя с нежностью поцеловала ребенка в голову.

– Милый, – ласково произнесла она. – Папа ушел на фронт, он воюет, он защищает нас с вами.

– А почему отец не пришел и не спас нас?

– Андрюша, дорогой. Папа сейчас далеко, – вздохнула женщина. – Но я уверена, что он думает о нас и храбро сражается с немцами... Все, надо немного поспать. Завтра пойдем искать дом, где нас накормят и обогреют. Все будет хорошо!

Валя, как могла, успокаивала детей, прекрасно осознавая, что ждать спасения неоткуда. «Слава Богу, хоть Леська спит, – покрепче укутывая дочь пуховым платком, думала женщина. – Вот только долго так мы не протянем. Если завтра мы не найдем дом и еду, я потеряю детей». Ее еще долго обуревали смешанные чувства, а порой даже охватывало отчаяние. «Нет, я не должна раскисать, – прог–нав мрачные мысли из головы, подытожила Валентина. – У меня дети. И ради них я обязана быть сильной!»

Прислушиваясь к мерному сопению детей, молодая мать погрузилась в тревожный сон.

Проснувшись на следующее утро, Валентина первым делом поглядела на детей, продолжавших мирно спать. «Господи, благодарю! – подумала она. – Мои малыши живы. Отныне все будет хорошо». Затем она прислушалась. В лесу было тихо: ни дуновения ветра, ни скрипа деревьев. Женщина осторожно отодвинула детей и, отбросив лапник, оглянулась. За ночь выпал снег, и все стало белым-бело. «Куда идти? – промелькнуло у нее в голове. – Где я смогу найти пристанище?»

Но идти было нужно. Поэтому женщина разбудила детей и, взяв дочку на руки, пошла вглубь леса. Несмотря на то, что Валя приехала в деревню всего шесть лет назад, молодая женщина хорошо знала эти места. С мужем они не раз ходили по грибы и ягоды, забираясь в такие глухие места, в какие местные жители побаивались заходить. Благодаря этому Валя смело двинулась в чащу, понимая, что единственное спасение для них – как можно дальше уйти от больших дорог и шоссе, по которым захватчик продвигался вглубь страны.

Изголодавшиеся дети все время хныкали и не хотели идти. Приходилось уговаривать их, просить, а порой и прикрикнуть. Сама женщина выбивалась из сил, неся полуторагодовалую дочку, но продолжала упрямо идти дальше. К полудню сил уже не осталось. Пошли вторые сутки без еды и питья. Снег плохо заменял воду, но приходилось довольствоваться хотя бы им. Другой возможности попить не было.

– Мама, мы больше не можем, – упав, захныкал Андрей.

Захар опустился рядом с братом и заплакал.

– Я есть хосю.

– Милые, родные, дорогие мои, – спустив Лесю с онемевших рук, произнесла Валя, – нам нужно идти. Если мы к вечеру не доберемся до какого-нибудь селения, мы погибнем.

– Я не могу... не могу, – заревел Андрей, размазывая рукавом слезы по чумазому лицу.

– Ну не надо, родной мой, я же тут. Мама рядом.

Но дети не слушали ее. Измученные малыши навзрыд плакали от усталости, холода, голода и жажды, и Вале никак не удавалось успокоить их. В отчаянии она оглянулась вокруг. «Что же делать? Что же делать? – лихорадочно думала женщина, пытаясь найти выход из положения. – Так, надо собраться. Надо собраться... И что-то найти поесть. Но что? Середина ноября. Лес пустой. Ягод уже давно нет, орехов тоже».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.